

Юрий и Вера Каменские

Встреча

на ЛАТОНЕ

Юрий Каменский

**Встреча на Латоне. От
создателей «Витязь
специального назначения»
и «Лоцман с „Аргуса“»**

«Издательские решения»

Каменский Ю.

Встреча на Латоне. От создателей «Витязь специального назначения» и «Лоцман с „Аргуса“» / Ю. Каменский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834848-8

Арии на горьком опыте постигли истину о том, что тому, «кто не хочет кормить свою армию, придётся кормить чужую». Но сброшено иго «изгоев», Мудрые вернулись в свои загадочные миры, а на Арктиде вновь воцарился мир. Но Земля и Арктида перестали быть друг для друга тайной, что может повлечь за собой самые непредсказуемые последствия... Является второй книгой цикла «Арктида». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-834848-8

© Каменский Ю.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Что такое «не везёт»...	6
Глава 2. Чем дальше в лес, тем больше головной боли	12
Глава 3. Джи-ай [2]	17
Глава 4. Из огня, да в полымя	24
Глава 5. Мелкие хлопоты по серьёзным делам	31
Глава 6. Далеко от людей	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Встреча на Латоне

От создателей «Витязь специального назначения» и «Лецман с „Аргуса“»

Юрий Каменский
Вера Каменская

Дизайнер обложки Юрий Борисович Каменский

© Юрий Каменский, 2024

© Вера Каменская, 2024

© Юрий Борисович Каменский, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-4483-4848-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Что такое «не везёт»...

...Ресторанный ансамбль играл что-то на тему ретро-джаза, в большом стакане с тяжёлым дном золотились остатки виски, чуть слышно позванивая остатками истаявшего льда. Сделав глоток, Виктор вытащил из пачки сигарету и, щёлкнув зажигалкой, выпустил струю дыма к висевшей над головой люстре. Пьяные выкрики за соседним столиком мешались с визгом девицы, выясняющей отношения с более удачливой соперницей. Сам предмет их спора в это время, не отвлекаясь на воюющих дам, спокойно жрал. На эстрадной площадке изрядно потасканная певичка с претензией хозяйки салона кидала на публику томные взгляды.

Всё это было где-то далеко, нисколько его не задевая. Глупо всё получилось. Просто сновидение идиота, только наяву. Сколько раз он Наташке объяснял, что не нужно трогать его утром. Что он, виноват, что ли, что он «сова»? Ну, не мог он ей соответствовать, едва продрал глаза!

А Наташка, как назло, была «жаворонком». Вскочив рано утром, она была свежа, бодра и жаждала общения. Виктор, встав, «раскачивался» долго, ему нужно было пошататься по квартире, вдумчиво посидеть на унитазе, подумать, затягиваясь второй или третьей сигаретой, над чашкой чёрного кофе. Неужели трудно понять, что её трескотня раздражает? Но Наташка упорно не желала с этим считаться. Ну, и получила, в конце концов. Конечно, не совсем того, чего так жаждала.

Виктор, хмыкнув, отхлебнул из стакана. Давно он уже так плотно не надирался. Да и как, посудите, можно себе это позволить, если ты пилот пассажирской авиетки? Три года назад пришлось уйти из авиапалки на гражданку. Нет, ничего такого... просто старший пилот «Бурана» Виктор Зверев набил морду командиру полка. За дело врезал, между прочим. Не стоило оператора из его экипажа называть «курвой». Особенно, с учётом того обстоятельства, что Кшыся была его любовницей. Виктор её как раз у командира полка и отбил, кстати. Мелочь, а приятно!

До суда дело, конечно, не дошло, командир был человеком семейным, и скандал замяли, но старший лейтенант Зверев из Авиакосмического Корпуса вылетел быстрее, чем пробка из бутылки с шампанским. Нет, пилотом авиетки, конечно, тоже не кисло. Главное, деньги всегда есть. Свободного времени только маловато, чем Наташка постоянно недовольна. А вот против денег, что характерно, не возражает.

– Вы ещё будете заказывать?

Виктор медленно поднял глаза снизу вверх. Взору его открылись чудесные ножки, синяя юбочка, прикрытая кружевным фартучком. Всё остальное было ничуть не хуже. К тому же, натуральная блондинка.

– Знаете, я бы с удовольствием пригласил вас на утренний кофе.

– Я занята, – сухо ответила официантка. – Вам подать счёт?

Если уж не везёт, то не везёт во всём. Виктор протянул ей карточку. Красавица достала из нагрудного кармашка плоский квадратик терминала и провела по ней. Сунув платёжку в карман, он тяжело поднялся и пошёл к выходу. О, хорошо же он набрался.... Выйдя на крыльцо Виктор, жадно втянув ноздрями прохладный воздух, полез в карман за сигаретами. Темноту ночи раздирали разноцветные огоньки неоновых реклам, матовый свет уличных фонарей и резкие вспышки фар пронесившихся мимо легковых машин.

– Ах, ты, сучара! Убью падлу! – раздалось совсем рядом.

Повернувшись, Витька увидел, в мерцающем свете неоновой вывески, как здоровый мужик, намотав длинные волосы на кулак, тащит за собой по асфальту молодую женщину. Дела! Не далее, как полчаса назад, прилипнув друг к другу, они топтались в ресторане под «медляк». Женщина скулила, как побитый щенок, потом вдруг пронзительно закричала:

– Помогите! Ну, кто-нибудь!

Не то, чтобы он был таким уж рыцарем без страха и упрёка, но надо же и меру знать!

– Эй, мужик, – негромко сказал он, шагнув наперерез садисту. – Женщину-то отпусти. Нехорошо.

– Пошёл на ...! – лаконично отозвался тот.

Видя, однако, что настырный незнакомец продолжает стоять на дороге, бросил свою визжащую добычу и грозно надвинулся на Виктора.

– Ты хорошо подумал, фрайер? – глумливо хихикнул он и замахнулся.

Сила есть – ума не надо. Такой наивный, словно кто-то его ждёт будет... Чуть посторонившись, Витька коротко ударил противника в печень. Тот замер, словно налетел на стену, и стал медленно опускаться на асфальт. Из уголка рта, выползла тёмная полоска густой крови, глаза закатились. Чёрт, кажется, переборщил...

– Помогите, убили! – раздался истошный вопль совсем рядом.

Несчастливая жертва, подойдя ближе, с ужасом взидала на распростёртое тело.

– Но вы же... – обратился к ней Зверев.

Договорить он не успел. «Потерпевшая», выставив перед собой растопыренные пальчики, с визгом ринулась вперёд, целясь ему в лицо. Ничего себе, заявочки! Уклонившись от когтистой лапки, Витька резко шагнул в сторону. Женщина, пролетев мимо, споткнулась и, потеряв босоножку, с шумом завалилась в живую изгородь. Она взвыла придавленной кошкой, со стороны улицы, словно вторя ей, подвыла полицейская сирена. А, вот это уже совсем лишняя деталь в интерьере. На дворе хоть и XXII век, а система, она и в Африке система, работает по шаблону. Вот бывший старлей Зверев двадцати двух лет от роду, находящийся в изрядном подпитии, а вот два потерпевших, охально избитых означенным гражданином.

– Что вам, уродам, не жилось спокойно? – в сердцах, вырвалось у Зверева.

Ему сейчас только строгой изоляции не хватало для полного счастья! Откуда взялась, на его голову, эта сладкая парочка?! Звук полицейской сирены вернул его к более насущным проблемам. Здесь, конечно, чистой воды защита... если он сможет это доказать. Нет уж, в такие игры с государством играть – себе дороже. Дальше, приняв решение, Виктор действовал с быстротой и чёткостью автомата. Шагнул за колонну, в густую тень, он быстро прошёл вдоль стены, спустился с крыльца и, перемахнув низкий заборчик, нырнул в живую изгородь.

Здесь, сколько помнил Витька, всегда был проход. Он ещё мальчишкой не раз спасался им и от полиции, и от старших пацанов. Да здравствует стабильность и незыблемость традиций! Привычно преодолев лабиринт живой изгороди, Виктор оказался на внутренней аллее сквера, быстро прошёл по ней и, завернув за угол дома, пересёк тихий дворик, уставленный личными авиетками. Соседняя улица была тихой и спокойной, луна разливала серебряный свет, пробивавшийся через лопухастые листья каштанов. Он быстро зашагал, слушая, как со стороны «Атлантики» надывается полицейская сирена. До набережной он добрался без приключений и, сняв с руки коммуникатор, забросил его в серебрящиеся под луной воды Преголи.

Авиетка стояла на своём месте. Открыв карточкой дверь, он плюхнулся на сиденье и хлопнул рукой по клавише. «Комета» свечой ушла вверх, за несколько секунд заняв максимальную высоту. Только тут, привычно держа в руках джойстик управления, Виктор позволил себе подумать. Шарики в голове крутились с бешеной скоростью с того самого момента, когда он понял, что влип «не по-детски». Он умышленно не давал им воли, пока не было твёрдой уверенности, что удастся взлететь.

Так, подобьём бабки. Сначала установят, что он был в ресторане, потом с терминала недоступной красавицы считают его данные и блокируют всё, что можно. Вот, кстати! Виктор сорвал пломбу с панели управления и откинул крышку.

– У вас нарушена пломба на панели управления, – нудным голосом сообщило следящее устройство.

– Спасибо, я уже в курсе, – буркнул он, внимательно рассматривая ажурное переплетение проводков.

– Вам надлежит сообщить о нарушении пломбы в Службу Воздушного Контроля, – предупредил робот.

– Я подумаю над вашим предложением, – галантно отозвался Виктор.

О, вот она! Он разъединил нужную клемму. Теперь он будет невидим для Контроля. Ну, не всё время, конечно. Когда они сообразят, что бывший старлей умеет обращаться с техникой, они включают настоящий поиск. На секунду вся его затея вдруг показалась безнадёжной, захотелось повернуть назад и сдаться. Потом слабость прошла, уступив место прежней решимости. Нет уж, господа! Таскаться по изоляторам и судам только потому, что какому-то ублюдку вздумалось почесать об него кулаки! Слуга покорный, без меня разберётесь. Сейчас главное – добраться до Финала.

Финал – не только конец пути, но и кличка единственного человека, который сейчас мог его спасти. Как он когда-то давно спас его. В той самой «Атлантике», между прочим. Он тогда был ещё курсантом, и Наташка была ещё не женой, а просто знакомой. Витька тогда направился в отдельный кабинет со схематическим изображением джентльмена на двери, чтобы «помыть руки». Войдя внутрь, первое, на что он наткнулся, был ствол излучателя, который держал в руке какой-то тип, явно, криминальной наружности. Другой, ничуть не лучше, держал под прицелом пожилого мужика.

Какой-то наивный политик из глубины веков полагал, в святом своём оптимизме, что последнего преступника покажут в музее при его жизни. Политик давно умер, и XXII век в полном разгаре, а криминал до музея так и не добрался.

– Вали отсюда, сопляк, – посоветовал тип с излучателем.

Трудно сказать, как развивались бы события, не обзови он курсанта Зверева «сопляком». И откуда эта уверенность у дураков, полагающих, что стоит взять в руки оружие, и сразу можно всё? Вот уж, воистину, дураки. Типу это стоило сломаной руки и разбитой морды, а излучатель оказался в руках у Витьки. Вряд ли он стал бы сразу стрелять, не было у него ещё нужной степени цинизма. К счастью, у пожилого опыт был. Воспользовавшись тем, что его противник отвлёкся, он ловко отправил его в мир иной из его же излучателя. И, тут же, не впадая в раздумья, послал его товарища следом.

Потом, конечно, пришлось объясняться с полицией, но всё обошлось. А у Зверева появился кровный должник со странной кличкой Финал. Несколько позже он узнал, что спас «ночного мэра» города. Пару раз он обращался за помощью, но по делам не слишком серьёзным. Теперь Финалу предстояло вернуть долг по большому счёту.

... – Ну, что не стал с властями объясняться, молодец, конечно, – Финал сидел в кресле перед камином, в котором пылал настоящий огонь.

Утопив ноги в медвежьей шкуре, он лениво потягивал коньяк. Под его рукой, на стеклянном столике початая бутылка, блюдце с нарезанным лимоном и хрустальная пепельница, в которой покоилась хорошо обкуренная трубка.

– Да чего ты напрягся-то?

Виктор, и в самом деле, сидел в кресле прямо, словно лом проглотил. Его совершенно не интересовала благородная обстановка в стиле «барокко», явно стоившая хозяину немислимых денег. В равной степени его волновало серебро сервизов от старинных мастеров и милашка-горничная в коротком платьишке с кокетливым кружевным фартучком.

– Ты, что, чудак, во мне сомневаешься?

– Нет, – покачал головой он. – Просто... задача не простая.

– Я тебя умоляю! Да что тут сложного-то? Сколько я тебе говорил – быдлак ходит своими дорогами, их разборки нас не колышут. А-а... – безнадёжно махнул он рукой. – Тебе что в лоб, что по лбу....

Витька, отхлебнув кофе с ирландским виски, засмеялся.

– Во-во! Сидит, смеётся... плакать надо, дурачком растёшь! – и сам, не выдержав, засмеялся. – Ладно, вернёмся к нашим баранам. У тебя два варианта. Что я на Марс «Бураны» гоняю, ты знаешь.

То, что Финал имел на Марсе рудник по добыче бериллия, Витька знал. Металл этот занимал в производстве Земли солидную нишу. Стало быть, в ближайший миллион лет бедность ему не грозила.

– Знаю.

– Пилотом я тебя взять не могу, ты в курсе.

Ещё бы! Пилоты проходили такое «сито», что даже факт подглядывания в женской душевой, совершённый в пятилетнем возрасте, мимо внимания спецслужб не пройдёт. Куда уж ему, после всех его подвигов.

– На сам рудник я тоже не рвусь, – не дожидаясь вопроса, внёс ясность Витька.

– Я так и думал, – кивнул Финал. – Тогда второй вариант – я тебя переправляю во Фресно [1], ты идёшь на вербовочный пункт и нанимаешься на службу в морскую пехоту. Твою карточку уничтожаем, чистый документ на тебя выправят. В общем, в тамошнем бардаке тебе опасаться нечего. Ты же в курсе, что там краснокожие воины бузу подняли. Изгоняют «бледнолицых собак» поганой метлой.

Финал засмеялся.

– Потрёшься немного среди этой «своры», ничего страшного. А мои ребята тем временем здесь всё зачистят. Ты же знаешь, какие адвокаты на меня пашут. По дачам отсиживаться не предлагаю – не тот у тебя уровень. Да и, сам знаешь, на третий день включают систему «Поиск», тогда тебя и на дне морском найдут. Ещё кофе?

... Вот почему Виктор Зверев сидел в холле вербовочного пункта Фресно, небрежно крутя между пальцами пластиковую карточку на имя Виктора Поула, англичанина, родившегося в Ирландии, коммивояжёра из Балтийского союза.

– Поул! – выкрикнул, открыв дверь, здоровенный сержант с нашивкой «S7» на груди.

С лёгким стоном поднявшись, Витька пошёл в кабинет, мечтая только о прохладном душе пополам с ледяным пивом.

– Присаживайся, помидорчик, – добродушно прогудел морпех, указывая на кресло.

– Я – капитан Старки, – представился сидящий за столом темноволосый офицер. – Это сержант Камински. Давай свои документы.

– Пожалуйста, – Виктор Поул протянул карточку. – Надоела «гражданка».

Любой пилот Авиакосмического Корпуса обязан был владеть минимум двумя языками, помимо родного. А у него ещё и лингвистические способности всегда хорошие были. Он заполнил короткую анкету, ответил на несколько стандартных вопросов и был принят в седьмое подразделение корпуса морской пехоты. Сержант хлопнул его по спине, скрепляя контракт, и отправил в конец коридора «менять шкурку», как он выразился. Там находилась каптёрка, в которой пожилой верзила, забрав всю одежду, вплоть до трусов, бросил ему пакет с формой. Через несколько минут в этом мире не стало Виктора Зверева, и из дверей вышел рядовой-рекрут Поул. Бросив в холле вещмешок, он вышел на улицу покурить.

Там, на скамеечке, уже дымил сигаретой другой новобранец, мужчина лет тридцати с белым шрамом на виске. Весь его вид явственно говорил о том, что лучшие годы отданы армии. Уж такие-то вещи бывший пилот просекал «на раз». Судя по его внимательному взгляду, он тоже успел сделать кое-какие выводы насчёт Витьки. М-да, похоже, легенда о коммивояжёрстве подвергнется серьёзному испытанию.

– Привет! – махнул рукой новобранец. – Эрих Гюнтер, бывший лейтенант Бранденбургской космодесантной роты.

– Привет! – отозвался Витька. – Виктор Поул, бывший коммивояжёр.

– Да? – хмыкнул Гюнтер. – Никогда бы не подумал.

Рядовой Поул счёл за благо не комментировать замечание нового товарища. Пару минут они молча дымили.

– Ладно, – усмехнулся бывший космодесантник. – Я в чужую жизнь лезть не собираюсь.

На торгаша ты, конечно, похож не больше, чем я на балетмейстера.

– И что? – напрягся Витька.

– Не делай стойку. Не моё дело, кем ты себя назвал. Лишь бы ты был нормальным мужчиной. Ну, руку?

Они обменялись крепким рукопожатием.

– Вот и отлично, – сержант Камински стоял на крыльце, внимательно глядя на них. – Вы теперь одна команда. Морпех морпеху брат.

«Интересно, – промелькнуло у Витьки в голове, – как давно он нас слушает?»

– По местам, помидорчики. Пора ехать в родную казарму.

...Вездеход с красно-синей эмблемой и чёрными буквами «MEU» вёз их по городу. Они выскочили на шоссе Йосемити и сержант, сидящий за рулём, показал класс езды. Даже Витька, редко бывавший довольным, когда управлял не он, в глубине души признал, что Камински водит машину, как минимум, не хуже. Под ровное гудение электродвигателей и посвистывающий в ушах ветер джип пожирал милю за милей. На маленькой заправке в городке Истон они, оставив джип на попечение заправщика, зашли в маленькое кафе.

– Ну, что, мальчики, – ухмыльнулся Камински. – На вашем месте я бы угостил командира пивком. Чтобы служба не была насквозь унылой и беспросветной.

«Вот жлобьяра» – усмехнулся про себя Витька, но вслух, широко улыбнувшись, отозвался:

– Нет проблем, сэр!

Гюнтер, видимо, подумал то же самое, молча кивнул и протянул бармену карточку. Взяв банки, они устроились за столиком у окна. С наслаждением потягивая пиво, Витька задумался. Похоже, что он угодил, что называется, из огня да в полымя. Будучи очень наблюдательным, Виктор многое успел увидеть и услышать, пока добирался до Фресно на автобусе. Война между коренным населением и «бледнолицыми», которых все почему-то звали «изгоями», по сути, шла к финалу. Изгой дрались ожесточённо, однако, их медленно, но верно, теснили к океану. Высказывались, к тому же, довольно уверенно, слухи о том, что в конфликт вот-вот вмешается Коалиция.

Финал, как обычно, оказался верен себе. Он помог другу и, одновременно, оказал кому-то услугу здесь. В этом Витька уже не сомневался. Он достаточно хорошо знал мир криминала, хотя всегда находился, только где-то рядом, но не пересекаясь. Бесплатных пирожных не бывает. Не верь, не бойся, не проси. Витька попросил. И то, что Финал был ему обязан, ничего не меняет. Такие правила игры. Он вдруг кожей почувствовал, как вокруг что-то изменилось.

Виктор поднял глаза на сержанта – тот сидел чуть напряжённо, глядя куда-то в сторону. Незаметно проследив за его взглядом, он увидел высоченного негра в яркой гавайской рубашке и солнцезащитных очках, сидевших чуть неровно на перебитом носу. Сидя за соседним столиком, чернокожий так же пристально, глядел на них через дымчатые стёкла. Точнее, пялился он на Камински. И, хотя самих глаз не было видно, тяжёлый взгляд ощущался почти физически. Эта молчаливая дуэль продолжалась минуты две. Потом он встал и вихляющей походкой подошёл к их столику.

– Привет, сержант!

– Привет, – ровным голосом отозвался тот. – Тебя ещё не пристрелили?

– Не дождётесь, – негр оскалил в улыбке белые зубы. – А вот вам скоро конец, белые братцы. Думаешь, я не знаю, что вы задумали отсюда свалить?

– Куда свалить? – таким же нейтральным тоном поинтересовался Камински.

– Как? – захохотал чернокожий. – Даже тебя, верного пса, не поставили в известность?! Вот, здорово! И после этого вы удивляетесь, что с вами уже никто не хочет иметь дела?

Запрокинув голову, он демонически захохотал. Витьке вдруг очень захотелось врезать ему в челюсть. Сержант, видимо, испытывал сходное желание. Потому что его собеседник, поймав их взгляды, подался назад. Быстро сунув руку под рубаху, он положил руку на торчащий из-за пояса мощный излучатель.

– Не советую, снежки. Ты же знаешь, сержант, как я стреляю, – он злорадно оскалился.

– Знаю, – спокойно кивнул Камински. – Ну и что?

Внезапно, увидев что-то на улице, негр сделал шаг назад. Перемахнув барную стойку, он ловко, словно ящерица, нырнул в дверь подсобного помещения. На заправку въезжала машина военной полиции. Через несколько секунд за кафе взревел мощный двигатель и за окном пронёсся чёрный «Рено-Электра» последней модели.

– Старый знакомый? – поинтересовался Гюнтер, кивнув вслед умчавшемуся автомобилю.

– Террорист, – кивнул сержант. – Бывший солдат моей роты Азер Аззам. Когда началась вся эта вакханалия, дезертировал и занялся своим бизнесом. Наркота, оружие... в общем, весь джентльменский набор. Однажды, по старой памяти, и в родную оружейку сунулся – запас обновить. Парнишку-дневального, как поросёнка, зарезал. Вот, тогда я ему фейс и подрихтовал. Только, ушёл, тварь, прямо из тюрьмы. Теперь спит и видит, как мне кишки выпустить.

Глава 2. Чем дальше в лес, тем больше головной боли

Солнце палило немилосердно. Ровные ряды деревьев, обещавшие благодатную тень, остались далеко в стороне. Только ветерок, носившийся на открытом пространстве, остужал разгорячённые тела морпехов. Ничего нового, обычные будни армейской жизни.

– Джамп!

Витька сорвался с места. Полоса препятствий, как ни странно, всегда ему нравилась. Живёт что-то внутри мужчины, уцелевшее от влияния цивилизации. Нравилось ему рывком перебрасывать себя через двухметровый забор, взлетать на бревно, нырять в объятый пламенем «лабиринт»...

Он стоял, переводя дух, когда к нему подошёл Эрих Гюнтер, с которым они вместе пришли в подразделение «S7». Крепкий тридцатилетний немец пришёлся ему по сердцу своим прямым несгибаемым нравом. Ради этого он терпел и его упрямство, и ужасающую педантичность. Что, впрочем, не мешало Витьке постоянно над этим подтрунивать. Эрих не обижался, пытаясь в меру умения огрызаться тяжеловесным тевтонским юмором. Главное, что он оказался надёжным товарищем.

Когда Эдгар Круминьш, привыкший верховодить в казарме, попытался «качнуть права» новичку, Эрих был в душевой. Витька вырос на улице, разборки были ему не в диковинку. Он хорошо знал, что такие мелкие «фюреры» признают только один аргумент – силу. Что бы там не вещали комнатные теоретики от социологии и педагогики, факты – самая упрямая в мире вещь. И они бьют тезисы о силе убеждения словом с такой же лёгкостью, с какой уличные хулиганы пинают указанных теоретиков, если те, в силу какого-то недоразумения, высовываются из уютного кабинета в реальный мир. А дальше всё по накатанной схеме: разбитые очки, размазанная по бледному лицу красная «юшка» и издевательское улюлюканье в спину теоретика.

Не зря, ох, не зря в буддизме первым стоит «путь меча», а уж потом «путь мысли» и «путь духа». Восточный менталитет, несмотря на кажущуюся оторванность от мира сего, крепко стоит обеими ногами на грешной земле. В самом деле, как вы можете высказать свою мысль, если любой недоумок, который трём свиньям есть не разложит, может заткнуть вам рот, потому что у него кулак здоровее? Витька такого рода комплексами не страдал, отнюдь. Свою точку зрения он научился отстаивать раньше, чем впервые взял в руки ридер.

– Чего уставился? – грубо спросил его вернувшийся из караула латыш.

– Что хотел? – безразлично спросил Витька, понимая, что потасовки не избежать.

К белокрысому здоровяку уже подтягивались два таких же бугая, похожих, как две груши с одной ветки, и чернявый атлет явно кавказской наружности.

– Что, мы тебе не нравимся? – угрожающе спросил один из близнецов.

– А ты хочешь мне понравиться? – ухмыльнулся Витька, мысленно прикидывая диспозицию.

Она была не очень удобной, поскольку его кровать находилась в углу казармы. А, стало быть, и возможности для манёвра невелики. Неизвестно, сколько бы ещё зубов потерял Витька, в довесок к тем трём, которые он так и не успел вставить, если бы из душевой не появился Эрих с полотенцем через плечо. Мгновенно оценив ситуацию, он, не тратя времени на разговоры, подхватил два тяжёлых табурета, шагнул вперёд и обрушил их на бритые затылки близнецов. В ту же секунду полотенце Гюнтера перекрыло кислород сыну гор и тот, с набрякшим от крови лицом, судорожно засучил ногами.

Витька, не теряя времени, точным ударом в челюсть отправил задиру в нокаут. Гюнтер тоже не стал тратить слова зря. Ударив кавказца ногой под колено, он добил его ударом кулака в голову.

– Свины! – коротко бросил Эрих и, небрежно переступая через распростёртые тела, направился к своему шкафчику. Примерно минуты через полторы побеждённая сторона начала подавать первые признаки жизни. Появившийся сержант подал команду «Выходи строиться!» и выяснение отношений было отложено до лучших времён.

... – И какого лешего тебя понесло на этот скотный двор? – Витька искренне недоумевал.

В кои-то веки, получили увольнительную и вместо того, чтобы заглянуть в приличное заведение, потащились на окраину этой убогого городка. Но пунктуальный немец стремился к точному выполнению поставленной цели.

– Мне нужно на ярмарку, – без лишних эмоций пояснил Эрих.

Они шли по боковой «аллее». Загоны для скота, несмотря на то, что располагались среди зелени, воздуха отнюдь не озонировали. Достойным музыкальным сопровождением к этому амбре служило мычание, блеяние и кудахтанье.

– Я не люблю этот «эрзац», пойми, – Гюнтер поддел большим пальцем поясной ремень. – Настоящее снаряжение из бычьей кожи можно купить только здесь.

– У богатых свои причуды, – пожал плечами Витька. – О, смотри, не мы одни тут говно топчем.

– Где ты тут увидел говно? – простодушно удивился Эрих.

Проследив за взглядом товарища, он увидел двоих солдат, одетых в форму их подразделения.

– А, это новенькие, – кивнул он. – Камински вытащил их из «эм-пи». Русские, вроде.

Те, о которых шла речь, общались с гадалщиком в национальном костюме индейца. Черты его лица доказывали, что это не очередной ряженный самозванец, а натуральный сын одного из племён, издревле владевшие этими землями. Последний, склонившись над рукой одного из них, водил по ней пальцем, что-то тихо приговаривая.

– Из «эм-пи»? – удивился Витька. – Знакомые его, что ли?

– Нет, – покачал головой Эрих. – Но они умудрились накостылять в местном баре шестерым нашим – Эдгару энд компани.

Голос немца сочился сарказмом. После памятной «разборки» он, не удержавшись, устроил задирам моральное «аутодафе». Прилюдно напомнил агрессору, чем его предки занимались в своей нынешней столице в благословенные времена немецкого владычества. Круминыш и его верные близнецы, слушая размеренную речь Гюнтера, меняли цвета, как спятивший хамелеон.

Однако экскурс в прошлое был неоспорим, лишний раз подтверждая неприятную для них истину. Даже такая непостоянная дама, как история, была на стороне немца. Это унижение проходило на глазах всей казармы, но ни один из них не рискнул вякнуть что-то против. Поскольку Эрих успел показать, что способен не только на разговоры. Кроме того, рядом откровенно скалил шербатые зубы Витька. Весь его вид красноречиво говорил, что он только и ждёт первого возражения.

Остальной личный состав совершенно не возражал против этой выволочки. Иные про-являли своё одобрение явно, кто-то – в глубине души, но сочувствующих не обнаружилось. Белобрысый и его свора уже достали всех. Чернявый Арслан, вечный «хвост» Эдгара, сидя в сторонке, голоса не подавал, радуясь, что никто не вспоминает ни про него, ни про его историческую родину.

...Генерал «от плаща и кинжала» Корсаков Антон Филиппович задумчиво грыз кончик авторучки. Кондиционер разгонял по кабинету волну прохладного воздуха, а за окном плавился от жары асфальт. Но и это сейчас его мало радовало. Ну, не любил он чувствовать себя дураком.... А приходится иногда. Как на вчерашнем совещании у Главы Коалиции. Директор Комитета Общей Безопасности попросил отчёта по операции «Аттракцион». О том, что на внедрение в подразделение MEU направлены два его лучших сотрудника, он доложил ему

и Главе приватно. При этом он, конечно, не забыл упомянуть, что операция по внедрению проведена безукоризненно. Что называется, без сучка, без задоринки.

Когда совещание было закончено, генерал-майор Корсаков поднялся со своего места.

– Останьтесь, Антон Филиппович, – негромко сказал ему Рихард Лейсле, возглавлявший Коалицию последние четырнадцать лет.

Пикантность была в том, что родился и вырос он в России, приняв германское гражданство уже в двадцатилетнем возрасте. Несмотря на то, что Корсаков отлично говорил по-немецки, Глава предпочитал говорить с ним по-русски.

Безопасник Гирш Якоби, хотя и родился в Израиле, русским языком владел ничуть не хуже. Просидев пять лет резидентом в Одессе, он был, в конце концов, арестован русской контрразведкой. Ему крупно повезло, поскольку, во имя высших государственных интересов, было решено обменять его на русского разведчика. Так, по иронии судьбы, Гирш Якоби и Антон Корсаков впервые встретились в открытом море близ порта Анталья, где и производился этот обмен. Спустя много лет они встретились в Конференц-зале Коалиции, и воспоминание о «делах давно минувших дней» стало у них дежурной шуткой.

Рихард Лейсле, заложив руки за спину, прошёлся туда-сюда перед столом, за которым сидели разведчики.

– Антон Филиппович, когда твои парни последний раз отмечались?

– Две недели назад у них была встреча с личным агентом господина Якоби, – спокойно ответил начальник Отдела Анализа и Прогнозирования. – Полагаю, что вам об этом известно больше. Я-то получил только короткий отчёт.

– Ну, я знаю немногим больше вашего, – нехотя признался Рихард. – Друид связался со мной по ближней космической связи. Откуда он говорил, не лукавя, скажу, сам не знаю. Дело в том, что Друид не мой личный агент, он «вольный стрелок».

– А-а, – понимающе протянул Корсаков.

«Вольный стрелок» – это так называемый неконтролируемый агент, который сотрудничает добровольно, но до тех пор, пока сам считает нужным. Большая редкость в разведке, к слову сказать. Кто же станет сотрудничать с человеком, чьё сердце не лежит в вашем личном сейфе? Кот, гуляющий сам по себе! Для «стрелков» делалось исключение лишь потому, что информация, поставляемая ими, была сверхценна. Таковую порой добыть не сможет и целое подразделение штатных разведчиков. Главное их неудобство заключалось в том, что иногда, в самый неподходящий момент, «стрелок» мог неожиданно «оборвать концы» и уйти.

Трудно, конечно, представить себе такое при имеющемся, на сегодняшний день, уровне техники. А, потому, отношение к этим людям было суеверным, где-то, даже, мистическим. Любой профессионал согласится, что сотрудничать с разведкой, оставаясь вне её поля зрения, без помощи нечистой силы невозможно по определению.

– Что он сказал? – настойчиво спросил Лейсле. – Постарайтесь вспомнить подробнее.

– Мне нет нужды вспоминать, – слегка уязвлённо отозвался Директор и щёлкнул пальцем по браслету.

– Привет, это Друид. Наши подопечные вышли на связь. Натурализация их прошла нормально, – послышался спокойный, с едва уловимым акцентом, голос. – Я их видел на ярмарке скота. Средства связи переданы. Они высказали предположение, что может потребоваться дальняя космическая связь.

– На основании чего? – перебил его голос Якоби.

– Откуда я знаю? – безмятежно отозвался голос. – Хотя догадаться нетрудно. Космодром Ванденберг на территории, контролируемой подразделением. Полагаю, Ваши аналитики предусматривали такую возможность?

– С небольшой долей вероятности.

– Она гораздо выше, – в голосе агента прозвучали менторские нотки. – Простите, я свяжусь позже.

Послышался лёгкий щелчок и наступила тишина.

– А что по другим источникам? – голос Главы выдал лёгкое недовольство.

– По моим данным, – спокойно сказал Корсаков. – Оба сотрудника находились под визуальным наблюдением. Практически постоянно, вплоть до посадки на крейсер. Мне, правда, до сих пор непонятно, почему Аэрокосмический Комитет выпустил корабли за пределы системы.

– А зачем их задерживать? – усмехнулся господин Рихард. – Возись потом с ними. Баба с возу, кобыле легче! Так, ведь, у вас говорят? Хорошо. Вы свободны, господа.

Спускаясь по лестнице, застеленной красной ковровой дорожкой, Корсаков пытался понять, что именно его насторожило в последнем ответе Главы? Такое впечатление, что какая-то лёгкая недосказанность повисла в воздухе. Вот и коллега идёт рядом, явно что-то обдумывая. Ох, похоже, не один он подвержен сомнениям...

В приёмной дремал в кресле референта ветеран отдела Павел Федосович. Когда-то старшина авиадесантных войск Кратов оказался, вместе с молодым лейтенантом из разведки, в ситуации, именуемой в обиходе «безвыходной». Они тогда уцелели, в основном, благодаря «оперативному чутью» и опыту матёрого старшины.

Спустя полтора года в особый отдел авиадесантной бригады с больших «верхов» пришёл приказ о переводе старшины Кратова в аналитическую группу Спецотдела Космической разведки. Первое, что увидел старшина, войдя в кабинет нового начальства, был лейтенант-разведчик, о котором он, если честно, успел забыть. С тех пор они с Корсаковым не расставались.

– Привет, Павел Федосович. Да сиди, чего ты прыгаешь?

– Здравствуйте, господин генерал.

Федосыч был человек старой закалки. Даже дома, за коньяком, никакая сила не заставила его перешагнуть границы субординации.

– Никого не было?

– Нет. От Лёшки с Максимом ничего не было, – добавил он, не дожидаясь дежурного вопроса. – Регину я отпустил в восемнадцать ноль-ноль.

– Добро, – кивнул Корсаков. – Ты тоже иди, а я ещё поработаю маленько. Если что важное будет, я позвоню.

Павел Федосович был одинок. Жenu он схоронил три года назад, а сын с семьёй уже семь лет жил на орбитальной станции, «мотавшейся» вокруг Венеры. Судя по всему, в ближайшие годы возвращаться на Землю не собирался. Новой спутницей жизни Кратов обзаводиться не захотел, так и оставшись бобылём. Год спустя, собрав необходимые вещи, подполковник переселился в служебную квартиру при Управлении, а свою квартиру отдал сыну погибшего друга, у которого жена, как раз, родила тройню.

Войдя в кабинет, Антон Филиппович повесил плащ на вешалку, бросил коммуникатор на бюро и прошёл к столу. Спиной почувствовав чей-то взгляд, он замер, рука привычно скользнула под одежду.

– Не тревожь оружие, Антон, – знакомый глуховатый голос заставил генерала, выдохнув, убрать руку с ребристой рукоятки излучателя.

Он повернулся. На диване, закинув ногу на ногу, сидел агент класса «вольный стрелок». Даже он, его куратор, не знал, какое имя Странник носил «в миру».

– Заметь, я не спрашиваю, как ты сюда влез, – пробурчал Корсаков.

– Ну, почему, – хмыкнул Странник. – Можешь спросить, если хочешь.

– Толку-то....

Он чего только не посмотрелся в разведке, за столько-то лет. Но этот человек по-прежнему оставался для него загадкой. Да полно, человек ли он, в самом-то деле? Не факт....

– А кто, по-твоему? – усмехнулся Странник. – Нечистая сила?

– А может быть, – серьёзно ответил генерал.

– Не нагоняй мистики, я тебя умоляю. Этот мир материален, если ты не в курсе.

– В курсе, – Антон Филиппович поморщился, ему только лекции по космогонии в конце дня доставало.

– Не будет никакой космогонии, – сухо сказал Странник. – Садись за стол и слушай меня внимательно. Этот мир материален. Не кривись, это не лекция, просто констатация. И этот мир обитаем. Более обитаем, чем вы в состоянии себе представить.

– Какие у нас, «вольные стрелки» осведомлённые, – хмыкнул генерал. – Всё, всё, молчу, продолжай.

– Ладно, я тебе в общих чертах объясню, а что будет интересно, сам спросишь.

Странник легко поднялся и, подойдя к столику, включил чайник. Посмотрел коробочки, стоящие на столике, выбрал сорт кофе, нажал пару раз на дозатор, плеснул в стакан кипятку, полюбовался на дело рук своих. По кабинету поплыл мягкий аромат йеменского кофе. Потом взял стакан и вернулся на диван, с наслаждением отхлебнул глоточек, прищурил глаза от наслаждения. Корсаков всё это время с интересом наблюдал за ним. А ведь, есть в нём что-то... Нельзя сказать, что нечеловеческое. Но, всё же, всё же...

– В общем, в Дальнем Космосе есть планетная система. Четыре планеты пригодны для обитания. По-настоящему заселены только две.

– Сколько веков люди искали в космосе «братьев по разуму», – генерал тоже заварил себе кофе и уселся за стол. – И тут рисуется Странник и сообщает...

– ... что нашлись, наконец, – хмыкнул агент. – Скажу тебе больше. Это выходцы с Земли, потомки тех, кого в древних летописях именовали «гиперборейцами». Цивилизации примерно четыре тысячи лет.

– Слушай, а ты откуда всё это знаешь?

– Тебе ответить честно или вежливо?

– Да пошёл ты... – хмыкнул Корсаков и задумался.

Надо же, не какие-то разумные устрицы, настоящие люди. М-да, всё это, конечно, здорово...

– У меня такое впечатление, что ты меня не очень слушаешь.

– Да слушаю, просто другое гложет. У меня два парня с этими уродами улетели. Поди их, теперь, найди, в Дальнем Космосе.

– Хорошие парни?

– Плохих не держим.

– Ладно, давай мне их данные и пароль. Ну, чего застыл, я не медуза Горгона. Просто я ночью, на космодроме, всем шести кораблям один и тот же курс задал. Так, что, где найти твоих ребят, я примерно знаю.

Генерал Корсаков, сообразив, куда клонит Странник, поднял на него взгляд.

– Угадал, – без улыбки сказал агент. – Именно в эту самую систему.

Глава 3. Джи-ай [2]

...Гюнтер отогнул рукав и поглядел на циферблат старинных механических часов «Брегет», что уже не одно поколение переходили по наследству к старшему сыну в семье. Сколько было сделано предложений от разных любителей старины продать раритет, и не счесть. Пытались даже забрать силой, что тоже, естественно, не увенчалось успехом. Они, немцы, народ сентиментальный. Это во-первых. Во-вторых, он был лейтенантом Бранденбургской космодесантной роты специального назначения. Специально для тех, кому мало «во-первых».

Судя по стрелкам на циферблате, через семь минут их с напарником сменят. Почти два часа они с Виком торчали на этой бетонной площадке у задних ворот лаборатории, где сотрудники ставили личные машины. Напарник как раз вывернул из-за угла здания, завершая обход их части территории, и подошёл к Гюнтеру.

– Знаешь, Эрих, что-то уж больно тихо, – проворчал он, поднимая голову к редким пятнам светящихся окон здания. – Даже сова отчего-то заткнулась, не ухает.

– Может, из-за тумана? – пожал в темноте плечами Гюнтер.

И точно – белесая муть, клубясь, наполнила из окружающих лабораторию зарослей, становясь всё более плотной и осязаемой. Они стояли в каких-то десяти шагах от своей караульной будки, привалившись к потрёпанному долгой армейской жизнью джипа, и уже с трудом различали её очертания.

– Вчера, в увольнительной... – начал Вик и осёкся.

Оглушительный грохот не дал ему договорить. На их глазах здание лаборатории словно приподняло от земли мощным взрывом. Чисто на рефлексе они, пригнув головы, укрылись за джипом от летящих и падающих фрагментов. Всё вокруг полыхало. Видимо, заряд начинили термитом или напалмом. На их глазах от невыносимого жара, плавилась железные балки покорёженных перекрытий. А в ярком отсвете пламени, чёртом расставив ноги, стоял и скалился в довольной ухмылке Азер Аззам. Луче́мёт в его руках дал по их будочке несколько импульсов. Две соседних будки уже пылали, и другие посты не были оставлены без должного внимания. Кошке ясно, что это хорошо спланированная диверсия.

– Абзац подкрался незаметно, – скривил занемевшее лицо Витька.

– Выживших, я думаю, не предвидится, – Гюнтер облизнул пересохшие губы. – Полная зачистка.

– Значит, и нам тут уже делать нечего.

Распахнув дверцу джипа и держа оружие наготове, они скользнули в его потёртое нутро. Из-за солнцезащитного козырька упали в ладонь запасные ключи и, секунду спустя, взревев мотором, «Cherokee Army Special Ltd» сорвался с места. Колючими плетью хлестанули по бортам, обдирая краску, лопнувшие нити спирали Бруно. Джип нёсся к едва угадываемой в тумане узкой полоске асфальта – единственной дороге, что вела к лаборатории.

Вспышки луче́мётов запоздало метнулись им вослед. Визжа шинами, они вписались в крутой поворот и проскочили пропускной пункт с поднятым шлагбаумом. Мелькнули перед глазами залитые кровью трупы дежуривших там солдат.

– Чистая работа, – прокомментировал Вик, сжимая руль. – Расслабились мальчишки от безделья.

– Сейчас они за нас примутся, – оскалился Гюнтер. – На хвост нам сели, а их тачка по скорости круче нашей консервной банки.

– Не лови леца, колбасник! – отмахнулся Вик, мельком бросив взгляд в боковое зеркальце. – Наш джип из металла сделан, а их мобиль из фольги кроили, пальцем можно насквозь прошить.

Но, как бы там ни было, их настигали.

– Держись!

Под пронзительный визг тормозов джип в управляемом заносе развернуло навстречу преследователям. Они успели увидеть перекошенные ужасом чёрные лица. Глухой удар, скрежет рвущегося металла, и фары осветили залитый кровью салон покорёженной машины и неподвижные тела преследователей.

– Поехали, – поморщился Витька и развернул изрядно скрежетавший после удара джип.

Он объехал останки мобиля, вдавил «педаль энергии» в пол, и «армеец», сердито взвывая, понёсся по прямой. Через пару миль джип вылетел на развязку, не предельной скорости прошёл «петлю» и, оказавшись на автобане, понёсся так, словно разогнался для взлёта.

– Что это за зарево? – задумчиво спросил Гюнтер.

– Лаборатория, что ещё? – сквозь зубы процедил Витька.

– Нет, вон там, с другой стороны.

Витька мельком глянул в сторону и пожал плечами. Потом, вспомнив что-то, нахмурился.

– Слушай, там же космодром. А наша рота, между прочим, один из участков периметра «закрывает». И там, похоже, возникли такие же проблемы.

Говоря так, он сбросил скорость.

– Мы должны сначала доложить сержанту, – напомнил Гюнтер.

– Достал ты меня своей педантичностью, – фыркнул Витька, разворачивая джип. – Где, по-твоему, сейчас Камински, если там заваруха?

Эрих промолчал, соглашаясь. Тем более, что, по мере приближения к космодрому, уже слышались звуки настоящего боя. Мобиль свернул на дорогу, ведущую на космодром. Однако через пару сотен метров Витька, крепко выругавшись, вдавил педаль тормоза – дорога впереди была разворочана взрывом. Сдав назад, он свернул на какой-то просёлок. Покачиваясь на ухабах, джип катил, подсвечивая дорогу фарами, хотя край неба уже порозовел.

От здания, к которому они подъезжали, навстречу протянулась голубоватая нить луча. В ветровом пластике одна за другой появились две оплавленные дыры. Они, не сговариваясь, распахнули дверцы и выпали наружу, распластавшись на том, что было когда-то ухоженным газоном. По джипу, оставшемуся без экипажа, продолжал медленно катиться вперёд, продолжали палить, пока он не замер, светя одной фарой.

Гюнтер, пользуясь тем, что невидимый стрелок их не видит, быстро пополз вперёд. Витька, подумав, последовал его примеру. Со стороны Эриха торчал «грибок» воздушной вентиляции, укрывшись за которым, он наблюдал за домиком для охраны, из окна которого по ним вели огонь. За караулкой, в предрассветной седой зыби, явственно виднелся серый силуэт патрульного катера. Витька хорошо видел, как возле него суетятся какие-то фигуры.

Дверь домика распахнулась и из неё, крадучись, вышел человек с излучателем в руках. Витька распластался на траве, стараясь стать как можно незаметней. Его оружие осталось в джипе, он казался себе ростовой мишенью с кругами на лбу. Между ним и террористом было не более десяти метров. В том, что это кто-то из банды Азера, он уже не сомневался. Чёрная борода и такая же чалма говорили сами за себя, да и устаревшая модель излучателя подтверждала эти выводы. Насторожённо постояв ещё несколько секунд, террорист повернулся к ним спиной и стал наблюдать за людьми возле катера, посчитав, видимо, что в машине одни покойники. В ту же секунду, выскочив из-за «грибка», Гюнтер дикой кошкой распластался в стремительном прыжке.

Витька летел за ним, не отставая ни на шаг. Когда до охранника оставалось пара шагов, тот, словно что-то почувствовав, или, может быть, уловив шелест травы, резко обернулся и поднял излучатель. Араб опоздал на доли секунды. Эрих броском сшиб его с ног и, не давая опомниться, с силой ударил в голову и выбил оружие, которое подхватил подоспевший напарник.

Не сговариваясь, они оттащили тело обратно к дверям. Гюнтер, не теряя времени, скрутил террористу руки за спиной, используя для этого его же чалму.

Грохот взлетающего катера заставил их присесть, яркая вспышка озарила всё вокруг, горячий ветер снёс весь мусор и, с клубами обжигающей пыли, погнал прочь. Катер нехотя оторвался от земли, словно раздумывая, лететь ему, или пока не надо. И сделав окончательный выбор, со свистом ушёл вверх, за одну секунду став яркой точкой в утреннем небе.

– И как это понимать? – Витька озадаченно смотрел на напарника. – Куда это они рванули? Гуманоидов искать?

– Откуда я знаю? – пожал плечами Гюнтер, и оглушительно чихнул от попавшей в нос пыли. – Придёт в себя, расскажет.

Он кивнул на неподвижно лежащего пленника. В это время осторожно приоткрылась дверь караулки. Резко развернувшись, они направили излучатели на человека, который выглядывал наружу.

– Выходи! – приказал Эрих.

Из дверей осторожно вышел человек в форме морпеха с нашивками младшего капрала. Витька опустил оружие, узнав Абхи Сингха, индийца из соседнего взвода.

– Не стреляйте, – видно было, что капрал изрядно напуган.

– Так, – Гюнтер, не опуская оружия, подошёл к нему вплотную, собираясь, как видно, душевно его порасспросить кое о чём, но не успел.

– Что здесь происходит? – из-за угла в сопровождении нескольких солдат вышел сержант Камински.

– Думаю посмотреть – что у этого парня внутри? – мрачно буркнул Гюнтер, поднимая за шиворот террориста, который уже начал подавать признаки жизни.

– Я тебе и так скажу, – оскалился сержант, принимая у него добычу. – Мозгов там, точно, нет.

И, только тут, он заметил жавшегося к стене младшего капрала.

– Младший капрал Сингх! – рявкнул он.

– Да, сэр! – вытянулся тот.

– Доложите обстановку, – голос Камински стал вкрадчивым. – Например, где личный состав?

– Личный состав полностью погиб, сэр.

Несмотря на внешнее спокойствие, от глаз сержанта можно было прикуривать.

– Докладываю, сэр: пока я был у «джона» [3], караул был уничтожен группой террористов.

– А почему ты жив, священная корова? – заревел Камински.

В этот момент несколько разрывов легли особенно близко. Махнув рукой, командир жестами распisał диспозицию, и они цепью побежали туда, откуда доносились звуки боя. Гюнтер с Поулом бесцеремонно волокли свою добычу. Пленный, не издавая ни звука, только скрипел зубами.

Не страдая излишней гуманностью, захваченного террориста быстро допросили и прикончили. На войне, как на войне. По его словам, выходило, что банда Аззама захватила катер с глобальной целью – заняться захватом «грузовиков» с бериллием.

– Недоумки, – констатировал сержант и присоединился к своему взводу.

...Бой становился всё ожесточённее. Рота, теряя людей, отступала на космодром, где уже шла лихорадочная посадка на корабли. Гюнтера и Витьку в переходной шлюз капитан Старки втолкнул последними, когда помощник капитана звездолёта уже собирался задраить люк. Почти ничего не видя перед собой, они поднимались в салон, шатаясь, как пьяные. В глазах ещё стояла ослепительная вспышка взорвавшегося топливозаправщика. Огромный пассажирский лайнер, стоящий рядом, вспыхнул, как бенгальская свеча.

– Садись, – Витьку кто-то потянул за рукав.

А, этот индус. Младший капрал Сингх, кажется. Он плюхнулся на свободное место, тупо глядя перед собой. Не верилось, что это всё позади. Да и позади ли? Не кажи «гоп», крейсер ещё не стартовал. И неизвестно, выпустят ли их за пределы системы.

«Чёрт, – встрепнулся Витька, – а ему-то, зачем куда-то лететь? Вот он попал не по-детски!»

Ещё пару секунд он размышлял о своей горькой судьбине, а потом плюнул и принял всё, как есть. Если ничего нельзя изменить, какой смысл дёргаться?

Корабль, тем временем, мелко задрожал. Заложило уши, мягкая волна перегрузки вдавила их в кресло. Насколько он мог судить, крейсер уже вышел в открытый космос.

– Держи! – Сингх протягивал Витьке флягу.

О, виски! Это кстати! Пару раз душевно приложившись, он отдал сосуд и вытер рукой губы. Полегчало, столбняк понемногу отступал, и Витька стал прислушиваться к разговорам. Здоровый полный рядовой первого класса, по виду – типичный еврей, сочно прикладываясь к фляжке, рассуждал о насекомых и о науке, хвастался своими учёными степенями.

«Совсем идиот, что ли?» – вяло подумал Витька.

– А чего ты в Израиль не уехал, когда началась вся эта свистопляска? – послышался неприязненный голос Гюнтера.

– Да то же, что и ты в свой Фатерлянд, – не смутился еврей. – И нечего на меня зверем смотреть. Ты что, антисемит, что ли?

– Нет, – покачал головой Гюнтер. – Я лейтенант Бранденбургской космодесантной роты. И мне наплевать на твою национальность, если не трусишь, когда дойдёт до дела. Но у меня, признаться, есть большие сомнения на этот счёт.

– Да, ладно вам, – примирительно сказал кто-то. – Мы тут все с разных конюшен, не стоит собачиться раньше времени.

Это было последнее, что услышал Витька, проваливаясь в чёрную пуховую яму сна.

... Витька поднял очередную коробку со спиралью Бруно и поволок её к изгороди. Натруженные мышцы ныли. Едва добравшись сюда на вертолёте, они занялись сборкой модулей из блоков, доставленных сюда накануне. Столбы для изгороди, правда, пришлось валить на месте. Не самое приятное занятие, принимая во внимание богатую местную фауну. Свежие новости о близком с ней знакомстве, словно штатные репортёры, доставляли вертушки, «челноками» сновавшие меж кораблём и площадкой для базы. Подробности вносили ребята-медики, одного за другим принимавшие пострадавших.

«Солдатское радио» моментально впитывало полученную информацию и приходило к весьма неутешительным выводам. Поэтому те, кого отрядили на «лесоповал», работали в скаффандрах лёгкой защиты. Правда, здоровяка малайца, которого придавило упавшим стволом, это не спасло.

Установкой изгороди руководил секунд-лейтенант Хью Хилтон, которого разноплеменная рота называла про себя «лейтенант хи-хи». Непонятно, как он угодил в морскую пехоту, замашками он больше напоминал нудного учителя математики. Своими мелочными придирками он мог довести до иступления даже каменного идола. Сержанты и офицеры тоже недолюбливали Хилтона. Впрочем, ему на это было в высшей степени наплевать.

Установив коробку, Витька дёрнул за рычаг. Спираль, срезая мох и мелкие кустики, со звоном развернулась, перекрыв участок между двумя уродливыми столбами.

– Порядок, рядовой-рекрут. Ещё пара коробок, и вы свободны.

– Есть, сэр! – машинально отозвался Витька, продолжая думать о своём.

Как интересно устроена человеческая судьба. Чтобы избежать пары-тройки лет в достаточно комфортабельном общежитии для «изолянтов», он умудрился ввязаться в такую авантюру, где ему раз двадцать могли просто и незатейливо оторвать башку. А сейчас он таскает

тяжести на планете, по сравнению с которой древняя каторга – курорт в солнечной Абхазии. И, что характерно, шанс вернуться домой, практически, равен нулю. Нелогичное всё-таки существо – человек.

Закрепив последнюю спираль, он выпрямился, едва не застонав. Вот где каторга-то! Достав сигареты, Виктор направился в «курилку», оборудованную вкопанным в почву металлическим контейнером да парой сваленных стволов. Там уже сидели двое парней, которых они с Гюнтером видели на скотной ярмарке. При его появлении они замолчали.

– Не помешаю? – из вежливости спросил Витька, плюхаясь на тщательно ошкуренный от шипастой коры ствол скамейку.

На самом деле, конечно, ему было на это глубоко наплевать. Если помешал, пусть идут куда подальше и там секретничают. Но земляки и не думали возражать против его присутствия.

– Да, какие секреты! – махнул рукой тот, что был старше. – Прикидывали шансы выбраться отсюда. Но что-то мало получается.

Он усмехнулся и протянул руку.

– Макс.

– Виктор.

– А это Алекс, – Макс кивнул на спутника. – Но он по-английски не говорит.

– Русские? – пожав руку молчавшему Алексу, спросил Витька.

– Да, из России. Ничего не имеешь против?

– Нет. Я родился в Ирландии, мне с вами делить нечего.

Именно так его научил Финал. Вроде, и англичанин, но не из Англии. И не ирландец, хотя и родился в Стране Зелёных Холмов. А если попадётся какой-нибудь слишком дотошный, всегда можно сказать, что уехал в детстве. Да хоть на Марс. Всё равно, серьёзной проверки его биография не выдержит. Но до такого, даст Бог, не дойдёт, а в курилке он чего хочешь наговорит. За словом Витька сроду в карман не лазил.

Прозвучавший сигнал на ужин заставил бросить недокуренную сигарету и бегом мчаться в столовую. Физическая нагрузка требовала жратвы. Но плотные высококалорийные обеды, разработанные учёными умами для морпехов, остались на далёкой Земле. Разогретые в термоупаковках рационы, рассчитанные на ленивых туристов, сгорали в топках организмов, как сухой хворост, упорно требуя «продолжения банкета». Хотя, не будь этого сухпайка, пришлось бы самим добывать себе на пропитание местную живность. И где гарантия, что при этом тебя самого там не схарчат?

Светило, незнамо как называемое, уже скрылось за деревья. Загорелись прожектора, заливая территорию городка и всё вокруг мягким, но ярким, светом. Вспыхивали язычки зажигалок, голубоватые дымки сигарет, сплетаясь в причудливые спирали, медленно растворялись в воздухе. Тоскливо-ностальгические воспоминания, ленивый трёп ни о чём, тёплый бок молчащего рядом Гюнтера – законные полчаса отдыха перед отбоем.

– Отбой! – послышался зычный голос сержанта Камински. – Спать, помидорчики, скажите спасибо, что построения не устраиваю. Командирам отделений доложить о наличии личного состава!

Лагерь быстро затих. Ночь была наполнена только чуждыми звуками окружающего лагеря леса. Их очередь нести караул выпала, как раз в «час собаки», когда самый сон. Дежурный по казарме, тряхнув за плечо, молча показал на часы и Витька с Гюнтером, сбрасывая сонную одурь, стали влезать в комки. Подхватив оружие, они выскочили в сырое предрассветное утро. Дождавшийся смены старый наряд, ссыпавшись с вышки, подался в казарму досыпать, а новый, поживаясь от прохлады, оглядывал открывшуюся панораму.

– Сейчас бы хлебнуть чего горячего. – проворчал Гюнтер.

– Держи, – Витька сунул ему фляжку. – Горячительное пока никто не отменял.

Приложились и, закинув по кусочку шоколадки, прислушались к себе. По жилам побежало благодатное тепло. Они не обращали ни малейшего внимания на стаю местных шакалов, шнырявших на безопасном расстоянии. В начале ночи, проведённой здесь людьми, эти твари уже получили хороший урок и близко не подходили, хотя с завидным упорством торчали поблизости. Хреново было то, что от реки напознал густой, как кисель, туман, медленно и верно заглывая пространство.

– Только этой дряни нам здесь и не хватало, – сплюнул Витька.

– Словно над облачностью идём, – кивнул товарищ.

Они с досадой смотрели на клубящуюся под самыми ногами пухлую перину, из которой чёрными рифами торчали крыши казарм и караульных вышек. Неожиданно площадка содрогнулась от тяжёлой поступи неведомой пока твари. Тишину разорвал низкий, на уровне инфразвука, рёв, ударивший кувалдой по напрягшимся нервам. Волосы сами собой встали дыбом, тело до самых пяток словно окатило морозной волной. Организм раньше, чем сознание, понял, что это «что-то» было смертельно опасным. Вынырнувшая из белой мути зубастая башка плыла в ней, словно в воде, направляясь к ближайшей от них вышке.

– Тираннозавр?! – с ужасом глядя на хищника, прошептал застывший в ступоре Витька.

– К-кто? – шёпотом спросил тот, едва шевеля онемевшими губами, и не смея шевельнуться.

– Ти-рекс. На кристалле видел. Импульс его не возьмёт.

Не прошло и секунды, как его слова получили страшное подтверждение. Вспышка выстрела, рёв и треск дерева, огромная пасть схлопнулась и обезглавленное тело упало на настил, разбрызгивая кровь из оборванных сосудов. Мгновенный бросок, и второй солдатик был перекушен пополам. Огромные зубы с хрустом перемалывали добычу.

Ударом кулака Витька утопил кнопку ревуна, поднимая тревогу. Сквозь вой сирены они успели уловить грохот сотен ботинок и отзвук отдаваемых команд. Ти-рекс – скотина довольно шустрая. Заметив движение на соседней площадке, хищник метнулся туда. Дикий вопль пожираемых заживо людей ввинтился в уши, как бурав. Не задумываясь, он, отчаянным прыжком сиганули на крышу казармы. Едва коснувшись её ногами, друзья обезумевшими мартышками на четвереньках рванули вперёд и, перевалившись через край, оказались на закрытой территории плаца.

– Оружие к бою! Бейте в голову, мальчики! Огонь!

Знакомый голос сержанта и привычные команды заставили их подхватиться с места и оружие в руках нашло свою цель. Вспышки излучателей вспороли мрак. Но даже десяток лишних дырок в башке не убедил древнего хищника отступить. Слишком мало было мозга в громоздкой черепной коробке и достать его было не так просто. Пятиметровый кошмар из плоти и крови тупо шагнул вперёд, затрещало ограждение. Ещё залп, и ещё. Зверюга зашаталась, и от рухнувшей туши дрогнула под ногами земля.

Ну, и живучая же тварь! Обессилено опустившись прямо на землю и вытянув трясущиеся пальцами по сигарете, они с тевтоном закурили, жадно глотая дым. Даже то, что курили в непопознанном месте, в данный момент совершенно не волновало.

– Небесный стрелок снова промазал, – растянул непослушные губы в кривой улыбке немец.

– И ты-таки прав, – хмыкнул Витька.

Оба заржали. Камински, отдающий на ходу короткие приказы, споткнулся на полуслове, наткнувшись на беззаботно ржущую парочку. Он открыл, было, рот, чтобы привести наглецов в чувство, и тут узнал обоих. Намётанный глаз выхватил главные детали – хохот такой сержант слышал не единожды. Пошёл так называемый «отходняк». Сделав вид, что в упор их не заметил, Камински занялся текущими делами.

...Последующие несколько дней их никто не тревожил. Они слонялись по плацу, с вождением заглядываясь на реку, но повторить опыт первых купальщиков не решались. Камински, как и положено сержанту, нещадно гонял их на строевой, устраивал спарринги и стрельбы. Давно известно, что свободного времени у солдата должно быть как можно меньше. Но, всё равно, его оставалось очень много. Потому неудивительно, что в казармах начались личные «разборки». От безделья вспоминались чужие промахи и некогда нанесённые оскорбления, действительные или мнимые. В разгар очередной такой драки, устроенной в часы отдыха дежурившего в ночь Камински, он неожиданно самолично ввалился в казарму вместе с капитаном. Сказать, что морпехи падали под их ударами, значит, ничего не сказать. Они летали.

«Рукоприложенных» от командирского благословения подбрасывало в воздух и относило на приличную дистанцию. Даже те, кто неудачно приземлился на твёрдые предметы, желание подняться или лечь поудобнее не испытывал. Чуть погода вызванная дежурная группа выволакивала их на плац, где добротнo прополоскали из шлангов холодной водичкой.

– Становись! – скомандовал капитан, брезгливо отирая руки платочком.

Охая и кривясь от боли, драчуны выполнили команду. Перед ними прогулочным шагом прошёлся сержант. Все, кто не принимал участие в драке, с ухмылкой оценивали качество командирской разминки и приходили к неутешительному выводу, что связываться с ними не стоит.

– Ну, что, мальчишки? Не к месту вспомнился «Билль о правах»? Ещё один такой инцидент, и все желающие показать свою крутость останутся на ночь за ограждением.

– Да, ладно тебе, сержант..., – в тот же миг бугай с перебитым носом, охнув, словил от Камински удар «под дых» и, мешком свалившись на землю, застыл в позе эмбриона.

– Кто ещё попробует вякнуть? – сержант обвёл взглядом строй, но желающих больше не нашлось, – Тогда вперёд, рахитичные ублюдки! В казарму! Бегом марш! Навести такой порядок, чтобы всё сверкало, как яйца кота при лунном свете!

А потом поступила команда сворачиваться. Целый день они метались, как угорелые, разбирая и упаковывая жилые модули, аппаратуру и прочие пожитки. Последними тремя геликоптерами, уже ночью, их отвезли обратно на крейсер.

Соседом Витьки оказался уже знакомый ему индеец Сингх. Вежливо поздоровавшись, он снова погрузился в мрачные раздумья.

– Ты чего, не в духе?

Сингх повернул к нему печальное лицо.

– Они бросили их.

– Кого? – машинально спросил Зверев.

– Второй крейсер посадили неудачно. Дюзы увязли в почве.

– Ну, знаю. Они в трёх часах от нас стояли. Постой-ка, – только тут до него дошло, что он видит только своих, из «S7».

Индеец, печально кивнув головой, снова погрузился в мрачные думы.

Глава 4. Из огня, да в полымя

... Когда Аззам пришёл в себя, он долго не мог сообразить – что, собственно, произошло? Рядом кто-то тихо, с надрывом, стонал. Азер почувствовал, что в щёку больно упирается что-то угловатое.

О, чёрт! Это был ствол излучателя! Осторожно подняв голову, он прислушался к внутренним ощущениям. Всё тело болит так, словно его через камнедробилку пропустили. Он пошевелил конечностями. Вроде, всё цело. Так, а что у нас на дисплее? Примерно с минуту Аззам тупо глядел на совершенно незнакомую картину, раскинувшуюся во всю стену. На угольно-чёрном пространстве, какое может быть только в открытом космосе, сияла россыпь совершенно незнакомых звёзд. Точнее сказать, их расположение поставило его в тупик. Где это?

Но он, действительно, мгновенно соображал. Ему потребовалось всего минуту, чтобы выстроить логическую цепь событий. Чужое небо – непонятная встряска – Самсон. Сын собаки и пьяной обезьяны! Он, застонав, встал с кресла и бросился в рубку со всей скоростью, на какую был способен. Ну, так и есть!

Его «лейтенант» Самсон мирно спал в кресле пилота, а на полу, в нескольких сантиметрах от пальцев свесившейся вниз руки, лежала курительная трубка. Неслышно подойдя, Азер поднял трубку и осторожно потянул носом. Ну, конечно... «Белый цветок» – жуткая дрянь, сплошная «синтетика», мозги выносит напрочь. Ну, подожди! Он сгрёб заместителя за горло и тут же отдёргнул руку. Тело Самсона было холодно, как мрамор. В кресле пилота сидел мечтательно улыбающийся труп. Счастливчик, легко отделался! Сплюнув, Аззам вышел из рубки и по трапу спустился в кают-компанию, где их всех застал бросок через пространство.

Все шестеро бойцов были живы. Вид их, правда, оставлял желать лучшего. Обычно перед тем, как перейти в режим «броска», члены экипажа занимают места в специальных креслах. Но даже в этих условиях случается, что у кого-то отказывает сердце, слишком уж велика перегрузка. А тут, без всяких приспособлений, и потеряли всего одного человека. И то идиота, обдолбанного «дурью» до такой степени, что даже не удосужился посмотреть полётную программу. Естественно, катер включил свою, которая, на беду, была кем-то внесена заранее. И в каком секторе Галактики они теперь находятся, одному Баал-Зебубу [4] известно.

– А где Самсон, бвана [5]? – сенегалец Изимба смотрел на шефа испуганно.

– Сдох, – коротко ответил Азер. – А теперь вы мне скажите – кто-нибудь смыслит в космонавигации?

Он медленно обвёл глазами своё потрёпанное войско. Изимба, несмотря на своё грозное имя [6], дурак дураком, только из излучателя палить. Чёрный Джек, дитя Гарлема, конечно, незаменим в «острых акциях» – натуральная горилла, но мозгов, как у страуса. Он перевёл взгляд на ухмыляющуюся рожу Сэмюэля.

– Нет, босс, – развязно протянул тот. – Я, конечно, учился в университете, но на юриста, а не на астролётчика. Правда, это мне не помешало вылететь оттуда со второй космической скоростью.

– Жаль, что ты не прихватил с собой мозги, – буркнул Аззам, усаживаясь в кресло.

Про остальных троих и думать нечего. Он их знал много лет, ещё по банде Чёрного Сэма. Похоже, выкручиваться придётся самому. Космонавигатор он, конечно, неважный, но выбирать не из чего.

– Так, Изимба и Джек, Самсона из рубки перенесите в шлюпку, пока не завонял. Она рядом с машинным отсеком, справа по борту. Потом... э, нет, – остановил он сам себя. – Дальше я сам. Джамп! А вы пока сидите здесь. Можете выпить, только не слишком увлекайтесь.

Подчинённые, с опаской косясь на мрачного шефа, прошмыгнули наверх. Дождавшись, пока незадачливого навигатора вытащат, Азер поднялся в рубку и уселся в кресло пилота. Нельзя сказать, чтобы он был в этом полным невеждой. Но, «падать на хвост» грузовым челнокам между Землёй и Марсом не совсем то же самое, что пытаться «привязаться» в каком-то забытом Богом уголке Галактики.

Часа два у него ушло на то, чтобы разобрать «маршрутную ленту». Компьютер, он и на другом конце Галактики компьютер. Поди только, догадайся, какие звёзды скрываются за обозначениями, сплошь состоящими из букв и цифр. Уже совсем, было, отчаявшись, он наткнулся в директории на астрологическую программу. Там, вот удача, оказалась и звёздная таблица. Теперь дело пошло, всё-таки, побыстрее. И, потратив на вычисления ещё часа два, он, вздохнув с облегчением, разогнул затёкшую спину.

По всему выходило, что они оказались в системе Йоты Персея. Ну, это ещё ничего, могли и дальше залететь, пространство – штука труднопредсказуемая. Он засмеялся и глянул на экран. Баал-Зебуб! Этого ещё не хватало! Прямо на них мчался военный корвет. Уж этого-то он мог узнать с полувзгляда. Именно такие корабли гонялись за ними, когда они с Чёрным Сэмом охотились за бериллием. Совершенно такой же корвет расплыл его компаньона на молекулы. Он сам тогда ушёл буквально чудом. Корвет приближался неотвратимо, как судный день. Ещё немного, и он выйдет на дистанцию залпа, и тогда все боги скопом не спасут его катер.

Но и он им не пилот-первогодок, а матерый космический пират. Время сдвинулось в другое измерение, пальцы привычно запорхали по сенсорам. Он мельком подумал о том, что его бравая команда во время выполнения манёвра посворачивает себе шеи. Но эта мысль мелькнула и ушла, предупредить их он всё равно не успевал, счёт пошёл на секунды. Катер мчался на противника, словно решил идти в любовую атаку.

Они, там, наверняка, усмеваются, глядя на глупого пирата, который прёт, как баран на заклание. Ну, ничего, посмейтесь напоследок! От корвета отделилась блестящая точка – ракета независимого наведения. Этой милой рыбке главное – указать направление, где находится цель. При необходимости можно ввести дополнительные параметры – класс, расстояние, даже название корабля. Но, поскольку он здесь единственная цель...

Аззам злорадно ощерился. Давайте, ребята! Человек так устроен, что не хочет делать лишнюю работу. А за лень, как известно, можно заплатить самую высокую цену – жизнь. Он подождал, пока ракета «встанет на цель» и коснулся зелёного сенсора отстрела шлюпки. Лёгкий толчок возвестил о том, что команда выполнена. Пора! Пальцы пирата забежали по сенсорам управления. Пол провалился под ногами, сердце подпрыгнуло куда-то к горлу, звёзды на дисплее слились в радиальные полосы.

Когда темнота в глазах рассеялась, он сквозь красный туман взглянул на дисплей, и едва не заорал от радости. Две точки, ракета и шлюпка, были уже совсем близко друг от друга, продолжая неотвратимо сближаться. Правда, чуть в стороне высветилась ещё одна светящаяся точка, но он не обратил на неё внимания. Корвет, продолжая движение, уже был развернут к нему под углом в сорок пять градусов. Секунда! Вторая! Есть! Вспышка света на месте сближения ракеты и шлюпки разбухла на глазах. Через секунду она стала меркнуть, рассыпаясь множеством серебристых блёсток.

И тут Азер вдавил красную клавишу. Катер ощутимо вздрогнул, а ракета, «поймавшая» цель, понеслась прямо на корвет. Корабль, обнаружив нападение, стал выполнять боевой разворот, пытаясь встать носом к врагу, но даже простым глазом было видно, что он не успевал. Аззам словно видел, как пилот, выполняя манёвр ухода, одновременно вводит параметры цели, и усмехнулся. Поздно, дружок... Корвет только тем и отличался от катера, что имел не одну, а две ракеты. Вторую он, явно, пускать не собирался.

Пират увидел, как от корвета отделилась ещё одна блестящая точка, но его «рыбка» уже достигла цели. Две точки слились в одну на фоне серого цилиндра корабля. Яркая вспышка в центре дисплея возвестила, что он опять победил. Когда взрыв превратился в рой мелких блёсток, стало видно, как корвет с разворочанным боком, медленно вращаясь, теряет скорость, превращаясь в холодное космическое тело.

А, вот вторая крохотная звёздочка продолжала удаляться. И тут до него дошло, что вместо одной шлюпки, он в спешке отстрелил обе. Гадай не гадай теперь, в какой из них было тело Самсона, но если и уцелело, то что с того? Мёртвый «лейтенант» уже никому ничего не скажет.

Всё было просто «о-кей»! Поначалу. Но, спустя сутки после встречи с крейсером начались неприятности. Катастрофически стала падать скорость и он теперь, не без оснований, предполагал, что катер и стоял на отшибе именно из-за неисправности. А они-то, обрадовались, идиоты, что так легко смогли захватить боевую машину. Вот теперь ему стало понятно, почему отсутствовали члены экипажа на борту и продовольственные запасы в кладовой, как у церковной мыши в пост. И «оружейка» пуста, как карман пропойцы. Готовили к отправке в ремонтные доки, только ракету не успели ещё снять. Но под кайфом это до него не дошло.

Это была ближайшая к ним планета, со значком «пригодна к жизни». И выбирать уже не приходилось. Введя в компьютер все расчётные координаты, они кое-как до неё доползли и без облёта плюхнулись на более-менее открытую прогалину среди огромного моря растительности. Посадка действительно оказалась сверхмягкой.

Толстое одеяло мха, не в силах удержать многотонную тяжесть, расплзлось и катер стал оседать в топкую почву. Качаясь, словно пьяный дервиш, ревя двигателем, он кренился, увязая дюзами всё глубже. Сработавшая аварийная система отключила подачу питания на двигатель. В мгновенно наступившей тишине микрофоны озвучили отвратительное бульканье засасывающей их жижи. Аззам уныло сидел в рубке патрульного катера и думал о том, что он полный дурак.

...От воспоминаний его отвлек зашедший в рубку новый заместитель, посланный разнюхать окружающую обстановку.

– Азам, это не планета, а настоящий ад!

Как бы в подтверждение его слов, корпус катера содрогнулся, заставив обернуться к экрану внешнего обзора. И волосы от ужаса зашевелились сами по себе. У самого края стоящей стеной растительности стояла огромная тварь и с тупым интересом разглядывала непонятный предмет, что, неведомо как, оказался на его территории. Подойти поближе зверюге мешала топкая почва, в которую они зарюхались по самое «не балуйся». Но было понятно, что встреча с ним нос к носу ничем, кроме их смерти, не закончится.

– Это динозавр, – шёпотом выдавил из себя грамотный Сэмюэль. – Хищный.

В этом не приходилось сомневаться – зубастая пасть торчала как раз на уровне обзорного экрана, словно демонстрируя во всех подробностях клыкастую мощь. Небольшие, налитые злобой глаза на огромной морде, казалось смотрели прямо на них.

– Вижу, что не травку жрёт, – голос Азера предательски дрогнул. – Что предлагаешь?

– Нет, босс! Отсидеться надо, – косясь на зверя, проблеял заместитель. – Посмотреть – что тут делается, а то в момент сожрут.

– А сами что жрать будем? Когда эта тварь отсюда уберётся, отправь Изимбу, может, чего съедобное подстрелит.

Азер откинулся на кресле, давая понять, что всё сказано, и прикрыл глаза, размышляя о том, как ему жить дальше. Выбраться с этой проклятой планеты, как он теперь понял, дело дохлое. И, ради чего, спрашивается, все эти нелепые телодвижения? Чего ему, спрашивается, на Земле не жилось? Ну, его бывший заместитель Самсон дурак был, за то его и ценил. Это он бредил – найти славу в космических пиратах, насмотрелся, на свою голову, тупых триллеров.

Да, и его собственных рассказов о былых подвигах, наслушался. Вот и решил, что он будет самым крутым. А он-то он зачем ввязался в это дерьмо?! И всего-то одна доза! За этим он всегда следил строго, не желая сдохнуть от передозировки, а вон как «торкнуло».

Тоже полетать захотелось идиоту! Тьфу! Сидел бы сейчас в каком-нибудь пабе со стаканом виски в обнимку с первой подвернувшейся шлюшкой, что за бабки были готовы его языком с ног до головы вылизать. Даже от дерьма! Бывало, что и без денег старались, ибо выбор между жизнью и смертью невелик.

...Азер начал своё восхождение с грязных трущобных окраин. Там, где всегда стояла невыносимая вонь от расположенного рядом полигона для городских отходов, а в тарелку с похлёбкой из вермишели быстрого приготовления падали одуревшие синие мухи, роями жужжащие в воздухе. По стенам ползали жирные тараканы, а наглые крысы неспешно дефилировали по проезжей части, уступая дорогу лишь везущим очередную порцию отходов мусорным машинам.

Его мать снимала здесь крошечную каморку, на большее чернокожая мигрантка рассчитывать не могла. Шлюхой первостатейной была его мамочка. И его нагуляла от очередного бойфренда, что менялись с постоянством, достойным лучшего применения. С появлением совершенно ненужного ей бэби менять в своей жизни она ничего не собиралась. Едва начав соображать, он примкнул к стае таких же чумазных мальчишек, потрошащих мусорные мешки в поисках съедобных остатков, ещё годной одежды и стеклотары. Стеклашки, отмыв в мутном ручейке, тут же, на краю свалки, можно было сдать старому китайцу. Хоть и платил он за них сущие гроши, но это были, всё-таки, деньги.

Он быстро понял, что надеяться можно только на себя. На одно оскорбление он отвечал десятью, на один удар – тремя ударами. К пятнадцати годам он возглавлял шайку таких же волчат, готовых убить за пачку сигарет или за целые кроссовки. Выбор был небогат – либо ему проломил бы голову в одной из постоянных драк, либо он сгнил бы в тюрьме, но Азеру повезло. Сообразительного паренька заметил один из бывших любовников его мамы.

Его взяли в «семью», делавшую свой бизнес на наркоте и торговле оружием. А три дня спустя «обдолбанный нарик» перерезал его матери глотку за несколько центов. То, что потом он долго и вдумчиво пластал этого уродца на лоскуты, не утешало. Какая б ни была, но мать была тем единственным человеком, к кому он был действительно привязан. Зато, в «семье» его дела пошли в гору. Чёрный Сэм, его наставник, хорошо разбирался в людях, и сразу выделил его среди остальных. Гонял по-полной, вдалбливая нужные знания, вот только доучить не успел. Развезанный на отдельные молекулы, он уже не мог ничему научить. Но Азер и так уже знал достаточно.

Правда, не все это поняли вовремя. Первый перекупщик, не приняв всерьёз «черного сопляка», попросту его «кинул». Присвоив все деньги от реализации захваченного аргеллиума, он «свалил» на один из тысячи райских островков, наивно полагая, что этим дело и кончится. Надо думать, у него было время поразмыслить над ошибками, лёжа в муравейнике с содранной заживо шкурой.

Урок пошёл впрок его коллегам. Больше «кидать» его не пытались. К двадцати годам Азам умудрился сесть всего один раз – за драку в баре. Когда местное население сцепилось с бледнолицыми, он завербовался в морскую пехоту. Цель оправдывала средства. А ему всего-то и требовалось, что присмотреться к хранению нового вооружения. Ну, и сделать так, чтобы оно оказалось в его руках. К началу службы в армии он уже знал и умел многое. Кровь и насилие его ничуть не пугали, а только возбуждали, и поначалу, он отлично вписался в армейские будни. Точнее, вписался бы... если бы не сержант Камински.

Азам скрежетнул зубами, вспомнив их стычку. Он, придя из увольнения пьяным, на замечание сержанта послал того в задницу. О том, что было дальше, лучше не вспоминать. Случившееся наглядно доказывало, что все спортзалы и «качалки» – ничто против подготовки

спецназа. Камински отделал его так, что он провалялся в лазарете несколько дней. Может, эта история и не получила бы продолжения, если бы Азер не вздумал посчитаться с обидчиком. Армейский кинжал, который он вздумал пустить в ход, увы, не помог. Ловко обезоружив строптивного новобранца, сержант снова избил его до потери пульса.

Но Азер не привык, чтобы последнее слово оставалось за кем-то другим. Едва отлежавшись после побоев, Аззам обратился к командованию с рапортом, в котором обвинял Камински в преследовании на расовой почве. Однако, военным дознавателям была чужда слепая «политкорректность» и они установили всё, как есть. Сержанту Камински был объявлен выговор за рукоприкладство, а жалобщика арестовали за воинское преступление. Азеру удалось бежать, но он поклялся, что Камински умрёт от его руки...

... – Нет, ты мне скажи – что дальше? – доставал он напарника. – Ну, выдрались мы из этого зелёного дерьма с динозаврами, так нас на этот Тартар законопатили.

– Главное, Вик, что Костлявая мимо проскочила, – затыкнул сигареткой немец.

– Ага. Зато здесь, к этим «богомолам» приставили. Хрен редьки не слаще.

– Чего пристал? Тебя, контракт подписывать не заставляли.

– Но в нём не было пункта о службе вне Земли!

– Можем расторгнуть, – хмыкнул тот. – Только идти некуда.

– А если подвернётся? – Не унимался Витька.

– Отстань, Вик. Сам об этом думаю.

Они замолчали, невольно вспоминая, как, прибыв на Тартар, строили новую базу, лабораторию и терминал. Когда терминал заработал, командование не задержались. Оставив небольшой гарнизон для охраны лаборатории, они быстро сбежали на соседнюю Арктиду, где условия жизни были намного выше. Зато на территории базы появились уродливые бараки, куда спецгруппа регулярно привозила пленников. Какие права человека? Это было натуральное рабство. Мало того, что их содержали, как скотину, так ещё и заставляли работать с мантикорами, где редкий день обходилось без жертв.

– Ты слышал, что русаков-неразлучников «безопасники» сгребли? – поделился Витька услышанной новостью и, прикидывая про себя, что на них могли «накопать».

– Макса с Виком? Хреново. Нормальные ребята.

Грунтовая дорога бежала среди густого леса, то ныряя в густую тень ельника, то выскакивая к открытым солнечному свету березнякам. Торжественные колонны строевого сосняка перемежались кедровником и густыми зарослями орешника. В открытые окна врывался тёплый ветерок, наполненный одуряющим запахом смолы и хвои. Прямо перед носом машины перебегали дорогу полосатые бурундуки, по крыше кабины стучали оброненные кедровками шишки. Витьке это напоминало российскую глубинку, куда он однажды выбрался с однополчанами пострелять уток. Сдержав невольный вздох, он закурил сигарету.

Сейчас они возвращались с центрального космодрома Тартара, где представитель службы снабжения заключал контракты на поставку продовольствия. В кузове бугрились набитые под завязку мешки.

– Сейчас груз сдадим и в столовую... – размечтался Витька, небрежно положив руки на руль.

– Не рассчитывай, – хмыкнул тевтон. – Для начала в душевую загонят, а потом переодеться. У начальства просто «бзик» на чистоплотности. Я сам люблю чистоту, но каждые сутки стирать форму....

– Не думаю. Тут что-то другое, – покачал головой Витька.

Крутой поворот и машина мягко подкатила к воротам базы. Выскочивший из караулки солдат распахнул створки ворот и они въехали на территорию. Поставив авто под разгрузку и разместившись на лавочке, оба с наслаждением прихлёбывали баночное пиво, которое пока ещё выдавали им из прежних запасов. Стояла тишина. Раздавшиеся неожиданно вопли и рёв

многих глоток грубо вернули их к прозе жизни. Они увидели, как с ближайшей горушки посыпала разношёрстная толпа вооружённых людей и кинулась на ограждение периметра.

– Вот придурки, – скривился тевтон. – Если укрепление кажется доступным, не верь глазам своим.

– Ничего, – спокойно отозвался Витька, переворачивая над открытым ртом банку. – Сейчас их угостят по-полной.

Яркие вспышки живых факелов, воздух огласили пронзительные вопли, и толпа отхлынула. Но со стороны ворот донёсся звук боя и тишину разорвал сигнал тревоги.

– Чёрт, вечно нам везёт, как утопленникам, – сплюнул Витька, на бегу выхватывая оружие.

– Как всегда, – скривился Гюнтер. – Любой падающий кирпич наш.

Потом разговаривать стало некогда. Через рухнувшие под напором ворота на территорию хлынула пёстрая толпа. С первого взгляда было ясно, что она состояла не из лучших представителей местного населения. Тати, конечно, это и к бабке не ходи. Так их, кажется, называют в этом мире. Воспользовавшись своей многочисленностью, банда, наглая от безнаказанности, рассыпалась по территории базы. Падали нападавшие, падали и защитники, тут и там уже схватились в рукопашную, катаясь с руганью по земле. Пару минут спустя стало ясно, что налётчики, в первую очередь, рвались на контейнерную площадку.

Прикрывая друг другу спину, они ещё успели увидеть, как несколько прорвавшихся татей, уцепив пару контейнеров, загрузили добычу на телеги и поспешно покинули место боя. Остальные продолжали наступление, видимо, имея приказ о полной «зачистке» базы. Сказывался численный перевес, и защитники гибли один за другим. Ситуация становилась всё безысходней, и тогда начальник базы, подскочив к контейнерам, стал распахивать створки. Подбежавшие солдаты, вытаскивая прозрачные упаковки, срывали пломбы и выпускали чудовищ.

То, что произошло потом, словами описать было невозможно. Активированные «богомолы» превратили место схватки в форменную мясорубку. Твари, сколько помнили Витька с Эрихом, никогда на своих солдат не реагировали. Сейчас они нападали на всех подряд, и первой жертвой пал сам командир, их выпустивший.

Гюнтер, оказавшийся в самой гуще событий, с ходу снёс лучом башку летевшему прямо на него «богомолу». Чудище, пролетев, по инерции, ещё несколько метров, рухнуло, суча конечностями, прямо перед ним. Эрих, едва успев отскочить, оказался между двумя мутантами. Понимая, что не успевает, он резко поднял излучатель, но оба чудовища, пролетев мимо, у него на глазах растерзали несколько человек, не делая различия между «своими» и «чужими».

Витька оказался в такой же ситуации. Перезаряжая свой «Штерн», он на несколько секунд остался безоружным в самой гуще свалки. Однако, несмотря на это, «богомолы», безжалостно пластая любого, кто попадался на пути, проявляли по отношению к нему полное равнодушие. Не задумываясь об этих странностях, он стрелял и в них, и в разбойников, пока стрелять стало уже просто не в кого.

Они стояли вдвоём среди изуродованных, рассечённых на куски, трупов, и ничего не могли понять. Весь личный состав базы погиб, «богомолы», упорно игнорируя их присутствие, гнались за убегающими к воротам татями. Мощный взрыв отбросил их на преследователей. Новые вопли и треск разрываемой плоти слились в один жуткий шум, ещё один рывок к воротам, и второй взрыв откидывает выживших татей на «богомолов».

Больше никто и никуда не бежал, некому стало. Наступила гнетущая тишина, нарушаемая только шорохом шагов гигантских насекомых. Успокоившиеся мутанты замерли под тёплыми лучами солнца, и только несколько особей медленно курсировали по территории базы. И, кроме них, не видать ни одной живой души.

– По-моему, Вик, базе полный капут, – разлепил пересохшие губы Гюнтер.

– Убираться надо, – шаря по поясу в поисках фляжки, пробормотал Витька.

– Куда?

– Через портал на Арктиду, – кивнул он в сторону приземистого строения. – Тут уже ловить нечего.

Хлебнув из фляги по паре глотков, они двинулись к portalу, осторожно ступая среди месива из человеческих останков. Дёрнувшиеся, было, им навстречу, твари, опустив окровавленные конечности-пилы, спокойно пропустили их мимо.

– Вик, почему они не нападают на нас? – повернул к нему лицо тевтон.

– Без понятия. Одно скажу: нам сегодня, ну оч-чень, повезло.

Уже закрывая двери в помещение, где находился портал, Витька мельком увидел идущих по территории базы вооружённых людей. Чудовища, как ни странно, относились к ним совершенно индифферентно, но стоящий у пульта управления Гюнтер торопил, не давая времени задуматься. Им для полного счастья не хватало только нарваться на возможных «чистильщиков». И только выходя под ясное небо Арктиды, до него, наконец, дошло, что его так насторожило. Один из ходивших по разгромленной базе был сержант Камински, что накануне отвозил партию счастливых на отдых. Потому, видимо, и уцелел...

Глава 5. Мелкие хлопоты по серьёзным делам

...Сапсан сидел, глядя в экран вычислителя. Ну, хорошая новость, дальше-то что? Как раз тот случай, когда голодный находит в лесу кусок золота. Он бы его на простой кусок хлеба обменял, если бы было у кого. А так сдохнет от голода, зажав в руке кусок бесполезного металла. Он снова перевёл взгляд на «окно».

«...анализы грунта тщательно исследованы. Можно утверждать с большой долей вероятности, что запасы аргеллиума не просто велики, они огромны. Разработка в промышленных масштабах, по предварительным подсчётам, многократно окупятся ещё на первых этапах добычи. Старик»

Аргеллиум... Это базовый элемент всей экономики и промышленности Арктиды. И стоит он чудовищно дорого. Все его рудники наперечёт известны и охраняются так, что на Главную Казну посягнуть, и то дешевле. В любое другое время это была бы новость, поистине, вселенского масштаба. Да и сейчас, если он озвучит её, Совет Старейшин возрадуется. И его щедро вознаградят. Или, наоборот, «зачистят» так, что и ворон костей не сыщет. Коли связались с «изгоями», чего от них ещё ждать? Карган, это та ещё рыбина...

Старика он внедрил в ряды этих ненормальных переселенцев, когда только был брошен клич о «единении с дикой природой». Что им, тут природы мало? Материк заселён, от силы, на треть. А им дикую подавай! На Латоне она, конечно, такая дикая, что дальше просто некуда. «Изгой» её в своих отчётах иначе, чем «зелёный ад», и не величают. Они там за восемь дней человек тридцать потеряли. И один корабль из двух подняться не смог, засосало его в почву. Так что, тех, кто на этом корабле был, можно смело числить в потерях, не ошибёшься.

Старик тогда подвернулся весьма кстати. Ну, как, скажите на милость, найти агента среди этих, больных на всю голову? Чтобы согласился податься с благополучной Арктиды на Латону?! Были, конечно и раньше такие призывы, но далее Кирса ещё ни один любитель дикости не забрался. Старик, в общем-то, оказался на этом сборище случайно. Более того, он спорил с этими «дикарями», доказывая, что выживание в таких экстремальных условиях совсем не полезно для человека. Слава Роду, что главный «дикарь» кротким нравом не отличался. Два года за увечье в «яме» отсидел.

Вот и здесь, когда аргументы кончились, Грузило не растерялся. Размахнулся и врезал оппоненту. Точнее, попытался... потому что через секунду уже валялся под столом с хорошей «гулей» под глазом. Хазар, присутствующий при этом, шанса не упустил. Мигнул стражам и оба спорщика предстали пред светлые очи Сапсана, тогда ещё заместителя покойного Одина.

Старик, побивший Грузило, оказался не только одиноким, но и очень понятливым. Да, строго говоря, чтобы выбрать между тремя годами «ямы» или острога и сотрудничеством с Порубежной Службой, много ума не надо. Не мудрствуя лукаво, Сапсан присвоил ему псевдоним Старик. Тот не возражал и, ещё сидя в «холодной», не только помирился с Грузилом, но и вошёл к нему в доверие. Сыграли роль фундаментальные знания бывшего оппонента. Сейчас он, уже много лет, был «правой рукой» Главного Наставника, как стал именовал себя Грузило.

Спустя несколько лет выяснилось, что Главный Наставник, соловьём разливая про единение с природой, просто морочил своим подопечным головы. Оказавшись на Латоне, он тихо и плавно подвёл людей к мысли, что нужно не просто здесь жить, но и стараться улучшить свою жизнь. Здесь много уговоров не потребовалось. Увидев «дикую природу» воочию, даже эти идеалисты мгновенно сообразили, что «слиться» с нею можно только одним способом – растворившись в желудке первого попавшегося хищника.

Впрочем, надо отдать должное Грузиле, организатором он оказался великолепным. Колония функционировала почти без потерь. Хотя порядочки он там установил... Драконовские,

это мало сказать! Как они его там, вообще, терпят? И если до сей поры Сапсан приглядывал за ней только в силу обязанности, то теперь вольное поселение следовало взять под плотную опеку.

Аргеллиум – это очень серьёзно. Вспоминая операцию по внедрению Старика, Сапсану всё чаще приходило в голову, что такой умный и проникательный тип, каким тот оказался, в глупую драку мог вляпаться только с одной-единственной целью – если он сам хотел, чтобы его «захомутали». Одного, при всём желании, Сапсан не мог придумать – зачем такому человеку внедряться к этим полудуркам? И теперь, кажется, начал понимать....

...А спустя неделю всё пошло вверх дном. Собственно, переворот готовился давно. И часть порубежников, живя в далёком Кирсе, не смирилась, продолжая готовить выступление против «изгоев». Но, как это, обычно, и случается, те сами вызвали бурю. Покойный полковник по имени Мартин Фишер ничего лучше не придумал, как разбомбить колонию в Кирсе. Ну, и они ушами не хлопали. И пошло-поехало!

До колонии они добраться, слава Роду, так и не сумели. И среди «изгоев» не все были извергами, и его «беркуты» [7] мух не ловили [8]. А потом, в самый ответственный момент, вдруг исполнилось древнее пророчество. Сапсан вспомнил, как он стоял с мечом в руках у ворот здания Совета, а перед глазами пёстротканым полотном плыла надвигающаяся толпа. Волхвы, стоящие рядом, помогали, как могли, но слишком уж много было нападающих. Силы уже начали оставлять его, когда появились Мудрые.

Встав перед людьми во весь свой гигантский рост, они недоумённо смотрели на ариев, как на малых детей:

– Вы что творите, неразумные?

А рядом с ними, сквозь кровавую пелену, застилавшую глаза, Сапсан различал знакомые лица. Пронзительный взгляд верного гридня Хазара, непокорная рыжая шевелюра воеводы Лины, бесшабашная улыбка неунывающего Нарада. И сейчас, когда владычество «изгоев» рухнуло, сообщению Старика следовало уделить самое пристальное внимание. Архистратиг не колебался в выборе ни секунды. Посылать нужно именно их – Бастака, Нарада, Лину. И старшим группы – Хазара. Биться им там, строго говоря, не с кем, но Латона – она Латона и есть, не стоит в этом вопросе расслабляться.

Щёлкнув по сереге, прудетой в мочку уха, он негромко сказал:

– Хазар, ты далеко?

Тихий переливчатый сигнал известил, что коммуникатор отключен. Ага, опять старый волк в какую-то операцию ввязался. Сапсан усмехнулся. Бывший витязь «Шарана [9]» очень хорошо знал, как трудно удержаться и не поучаствовать самому в боевой операции. Он щёлкнул пальцем по сенсору пульта. Через секунду на пороге возникла помощница.

– Лиска, Хазара найди и ко мне, срочно, – он уловил в глазах девушки тень недоумения и пояснил. – Опять старый леший кого-то самолично ловит, всё никак не привыкнет, что он заместитель Главы Порубежной Службы. Давай, бегом. Как выйдет на связь, сюда его!

Помощница улыбнулась и, кивнув по-уставному, скрылась за дверью. Сапсан сел за стол и снова погрузился в воспоминания. Вот толпа, подзуживаемая наветами висельника Каргана, снова двинулась на него, но несколько гудящих взмахов меча заставили передних попятиться. Он, конечно, понимал, что его всё равно достанут, это – вопрос времени. И осталось этого времени самое чуть-чуть. Рука, держащая меч, уже наливалась свинцовой тяжестью. Сапсан перекинул меч в другую руку. Глава Старейшин Карган, с картинным видом, грозно простёр ладонь в его сторону.

– Вперёд!

Толпа снова колыхнулась. Но тут сверху спикировала вимана и с гудением прошла, казалось, прямо по головам. Моментально вспомнив о имеющемся на её борту оружии, люди испуганно шархнулись в стороны, а летательный аппарат приземлился на освободившуюся пло-

щадку. Откинулся входной люк и из него вышли рыжая девушка и высокий седой старик. Следом за ними показалась огромная голова, потом гигантские руки. Над бурлящей, многоголосой массой людей разлилась тишина. Ахнули испуганно в толпе, заголосила женщина. Из виманы с трудом выбрался огромный муж и с высоты десяти аршин оглядел толпу.

– Не доброе дело творите, – прогудел великан. – Почто крови людской жаждете?

– Мудрый... Мудрый... Мудрый... – волной прошелестело по толпе.

Люди с испугом напрокудивших детей смотрели теперь на прибывшего, и было отчего. В гневе своём безрассудном они пошли против воли волхвов, которые, для их вразумления, оставлены были гигантами, сотворившими их мир. Мало того, они хотели пролить их кровь на самом священном месте. Многие опускались на колени, готовые безропотно принять всё, что будет назначено им в наказание.

А из ворот Храма Меру выходили, один за другим, титаны. Стоя перед толпой, они с грустной укоризной смотрели на них, как на напрокудивших мальцов.

– Зло человека от младости его, – сказал ему при расставании Медыня, один из нерождённых. – Для моего народа уже наступил закат, а светило людей только всходит. Вы ещё очень молоды и не можете порой отличить истинную цель от приманки.

Он гулко вздохнул, заставив затрепетать листья черёмухового куста, и снова замолчал, задумчиво глядя куда-то за горизонт.

– В моём мире у меня почти такие же обузы [10], что и у тебя, – неожиданно улыбнулся Медыня. – Вы полюбились мне, как родные. Прощай! Если будет совсем уж туго, просто подумай обо мне.

И, повернувшись, скрылся в воротах Храма Странствий по Мирам следом за собратьями.

...Серые низкие тучи, казалось, цеплялись лохматым брюхом за верхушки заснеженных деревьев. Затихла звонкая дробь дятла, порскнули в самую гущу хвои мелкие птички. Сидевший на корявом суку старый ворон, свернув голову набок, поглядывал одним глазом на то место, куда кухарка выплеснула ведро помоев, но слетать не торопился. Даже бесшабашные воробьи, забыв о драках, забились под застрехи и, взъерошив перья, помалкивали. Всё указывало на то, что надвигалась метели. Трактирщик тоже настоятельно советовал отложить путешествие до того, как погода наладится.

– Оно, конечно, дело ваше. Вот только, не ровен час, ветер разгуляется да с пути собьёт. Вместе с лошадкой своей сгинете. Переждать бы надо.

– О кошеле своём радеешь, – неожиданно встрял в разговор, гревшийся у печи мужичок-невеличка.

Хозяин бросил на него неласковый взгляд, но, к удивлению Нарادا, остановившегося здесь под видом проезжего торговца, возражать не стал. Интересно! С чего бы это хозяину считаться с мнением никчёмного бродяги? Хазар, бывший, вроде, как, при лошадке, сидел в самом тёмном закутке. На первый взгляд, казалось, что он тут был «не при делах». Сбросив в тепле выдавший виды потёртый тулупчик и, довольно побрякивая, он шумно хлебал из мисы наваристые щи. Но Нарад знал, что он не упустил ничего, достойного внимания. Вот же лицедей!

– Ежели здесь не копать, то к обеду, до следующего трактира добраться поспеешь, – не унимался мужичок. – Тамошний хозяин для усталого путника и на доброе пиво расстарается, только резаны плати.

– Пиво? Это здорово! Исполать тебе за добрый совет, – «обрадовался» Нарад и повернулся к Хазару:

– Поторопись, старый, в дорогу пора.

Он успел заметить блеск в глазах советчика и угрюмый вид хозяина, явно не одобрявшего его решения. Пять минут спустя их сани выехали в распахнутые ворота и покатали по дороге, что тянулась меж утонувшего в сугробах леса.

– Зашебуршились мышки, – хмыкнул Хазар. – То-то нас в дорогу выпроваживали. Хозяин явно догадывается, но терпит, чтоб самому «петуха» не подпустили. Отработано у них всё – сигнал подан, а там уже ждут. Сейчас, где-нито, нас и встретят. Ты только не дёргайся раньше времени.

– Но это действительно те, кто нам нужен? – не удержался Нарад.

– Здесь ватага Вепря не первый год промышляет, – ухмыльнулся Хазар. – Пришлым тут не разгуляться, глотку в один мах порвут.

Их, действительно, поджидали. Через час, когда они миновали поворот, под морду лошади выкатился таившийся за толстым стволом крепкий мужик и уцепился за узду. Следом нарисовалась ещё пара дармоедов при оружии. В упор наставив самострелы, путникам велели заткнуться. Весьма невежливо потеснив, завалились в сани и, подгоняя кнутом, направили храпевшую лошадь на едва приметную тропу. Вскоре сани выкатили на обнесённую ельником поляну, где стояло несколько осёдланных коней. Прибыли, надо полагать, в конечную точку маршрута. Конечную, скорее всего, во всех смыслах.

С почерневших туч пробрасывал редкий снежок. Незаметно поднявшийся, неласковый ветерок обжигал щёки и обнажённую, по-привычке, шею. Ватажок [11] по кличке Вепрь смотрел на Нарада тяжёлым взглядом.

– Значит, говоришь, купец? И, зачем же тебя, дуралей вышитый [12], в наши края-то занесло?

Он глумливо засмеялся. Ватажники [13] за его спиной захохотали, предчувствуя потеху.

– У тебя же на лбу во-от такими рунами прописано, что ты либо стражник, либо порубежник. Ещё старинушку этого с собой на верную погибель потащил, – он презрительно кивнул на стоящего рядом Хазара, который, испуганно съёжившись, смотрел на огромных разбойников, как кролик на удава. – Неуж всерьёз думал, что я тебя за торгаша приму?

– Мало ли, кто на кого похож, – беззаботно ухмыльнулся Нарад. – Ты вот на кабана смахиваешь, но я ж тебе желудей не предлагаю.

Ватажники за спиной Вепря испуганно смолкли. Лицо Вепря стала заливать густая краска, а рука потянулась к поясу, на котором висел внушительных размеров нож.

– А вон те тоже ваши люди, али чьи? – неожиданно спросил «старинушка», испуганно глядя куда-то за плечо ватажка.

Реакция у того была отменная. Видать, потому и жив до сей поры. Резко развернувшись в ту сторону, куда глядел испуганный дед, он сместился влево с таким расчётом, чтобы Нарад оставался в поле его зрения. Старика он в расчёт не принял. И, между прочим, совершенно напрасно. Железная рука Хазара намертво стиснула его глотку, а удар кулаком за ухо напрочь вышиб сознание.

Нарад, едва тать отпрыгнул в сторону, ринулся на ватажников. Прежде, чем его манёвр был осознан, ближайший к нему, получив жестокий удар кулаком в «поддых», ничком повалился на снег. Удар носком сапога в висок свёл шансы татя к нулю. Второй, заметив, краем глаза, движение, развернулся к нему с занесённым для удара топориком. Но где ему было тягаться с выпускником Высшей Космической Даршаны... Жестокий удар ногой, с хрустом проламывая грудину, вышиб из него дух прежде, чем он уткнулся лицом в сугроб. Нырнув в сторону, Нарад ушёл от свистнувшего в волоске от виска, меча. Второй раз ударить ватажник не успел.

Толкнув на него безжизненное тело ватажка, Хазар прыгнул следом. Цепко схватив запястье вооружённой руки, он, пинком ноги в подколенный сгиб сбил татя на землю и запрокинул его на себя. Последнее, что тот почувствовал, был холод клинка, мягко входящего под левую лопатку.

Вепря обязательно нужно было взять живым, в противном случае вся их суета впустую. Ватажка выберут нового, ватага продолжит свой опасный промысел, а самое главное, что «зем-

леройка [14]», засевавший, то ли в Городской Страже, то ли у порубежников, будет цел и невредим. А, вот, против этого они категорически возражали!

Разбойники, они и есть разбойники. Не такое уж и доходное у них ремесло, больше опасное, поскольку ни стража, ни порубежники излишней мягкостью не страдали. Да, и купеческий люд не лыком шит, тоже «обласкать» охотников на своё добро горазд. Потому и промышленяют больше на таких вот, типа Нарада, начинающих и мелких торгашах-лоточниках. А вот свой, который по-тихому за резаны и ногаты начинает «сучить нитку» на сторону врага, должен быть выловлен обязательно! На такое дело никогда не жалели ни сил, ни средств. Хазар в скором темпе «потрошил» едва очухавшегося татя, нимало не беспокоясь о его здоровье. Через полчаса он уже вызывал виману.

– Лошадь распряги да коней отвяжи, – бросил он Нараду. – Сами найдут, куда им прибиться. Не тащить же их с собой.

– А с этими что? – выполнив распоряжение, кивнул Нарад на свежих покойников.

– Зверьё здешнее разберётся, – оскалился в хищной улыбке Хазар.

...Капитан Старки с сержантом сидели в крошечном кабинетике, обсуждая ситуацию, в которой оказались остатки землян. Стоило ли сидеть в медвежьем углу, дожидаясь, пока солдаты от безделья начнут себе на задницу приключений искать? Какой резон ставить под удар всех выживших из-за нескольких болванов? Ну, уж нет!

– Что ты предлагаешь, Ян? У тебя, вроде, более полная информация.

– Только то, сэр, что надо идти на службу к государству.

– Неплохая идея, но навряд ли, они согласятся, – капитан скептически скривил губы.

– Прошу прощения, сэр. Я думаю, они понимают сложившуюся ситуацию и лишняя головная боль им тоже ни к чему. Завтра назначена встреча с главой порубежников Сапсаном. Если договоримся, с Советом Старейших на эту тему он сам переговоры проведёт.

...Спустя неделю после этого разговора Камински стоял и глядел в окно резиденции Главы Порубежной Службы на пейзаж, задёрнутый снежной завесой. Медленно падающие крупные хлопья первого снега напоминали ему далёкое детство, когда пятилетним малышом его впервые привезли на хутор в гости к дедушке. Тот встретил их на двуколке, запряжённой двумя сытыми битюгами.

– Могли бы и на машине подъехать, – укорила мать, подавая ему баул и сумки с городскими гостинцами. – Вы так дзецко [15] простудите, тату [16].

– Ты ему ещё грелку сунь, – дед поднял Яна крепкими руками, глянул в глаза. – В нашу породу, значит, зимно [17] нипочём.

Он на миг прижал его к груди, дохнув запахом табака, и усадил на мягкое сиденье. Недовольная мать села рядом. Прикрыв их меховым пологом, дед молодецки расправил усы и гикнул лошадям. Мимо поплыли островерхие каменные дома, башенка с большим циферблатом, идущие по своим делам люди.

Цоканье копыт по брусчатой мостовой скоро сменилось глухим перестуком, они свернули с шоссе на грунтовую дорогу, нырнувшую в лес. Высокие ели, словно закутанные в снежные шубы, стояли в торжественном молчании. Прямо перед лошадиными мордами сиганул заяц и они шархнулись, испуганно всхрапывая. Как же он испугался тогда! И заревел, вцепившись в руку матери, а отец стал сердито отчитывать его, называя трусишкой.

Только дед, обернувшись, неожиданно подмигнул внуку и, сунув пальцы в рот, засвистал, как разбойник. Лошади застригли ушами и побежали бойчее, а Яну стало весело. Отпустив мамкину руку, он с интересом стал вертеть головой, разглядывая юрких синичек и красногрудых снегирей. Через час, когда они подъезжали к хутору, повалил снег и он ловил его одетой в варежку ладошкой.

Стук двери оборвал воспоминания. Вскочивший при появлении командира порубежник вышел, оставив их с глазу на глаз..

– Садись сержант, в ногах правды нет, – вздохнул Сапсан. – Задали вы задачу. Пришлось нам, честно говоря, головы поломать.

– Знаю. Не простой вопрос, – кивнул Ян. – Но и для тебя не секрет, что воин без службы для окружающих ещё большая головная боль. Вот и надо их к делу приставить.

– То-то и оно. А коли жить, то мужам надо семейством обрастать, новые корни пускать. Тогда и будет за-ради чего стараться. Вот и порешили со Старейшинами, что часть воинов раскидаем по порубежью, пусть привычную службу несут. Только к виманам доступа не будет. На том, уж не посетуй, Совет особо настоял.

...Выслушав доклад, капитан поднял на сержанта напряжённый взгляд.

– Послушай, Ян, Сапсан мне сообщил, что пришёл космолёт с Земли. Предлагают заключить с Арктидой дружественный договор. У нас есть шанс вернуться домой. Что ты по этому поводу думаешь?

– С Земли, говоришь? Ну, если честно, то я, в любом случае, останусь здесь, это дело решённое. Там у меня никого уже не осталось, а мотаться псом неприкаемым – уже возраст не тот. Ну, вернусь, и что? Ещё лет пять службы и я уже отработанный материал. Оно мне надо?

– Но ведь мы, вроде как, присягу давали?

– О какой присяге речь? Того государства, которому мы клялись, уже нет. Если и сохранилось, то нас оно попросту кинуло. Предоставив всем желающим возможность попрактиковаться в меткости стрельбы в том тире, где мы стали живыми мишенями. Я, лично, после этого ему ничего не должен.

– А что нам здесь делать? Тут мы чужие.

Сержант понимал, что капитана мучает тот же вопрос, что ещё совсем недавно, не давал покоя и ему самому. До тех пор, пока он твёрдо не решил остаться. Видимо, Старки не слишком-то рвался на родную Землю и маялся, не решаясь сделать окончательный выбор.

– Ну, это, как сказать... Наши знания и здесь лишними не будут. А ты не задумывался, что перекасти-поле везде чужое, пока корни не пустит. Вот и я своих детей хочу вырастить, чтобы они мой род продолжили. Может, и внуков ещё удастся увидеть. Всё лучше, чем сдохнуть бездомным псом на помойке.

Глава 6. Далеко от людей

... — Ты не вышла на работу, Светлана. Как это понимать?

Светлана стояла в широкой горнице, где за большим столом в вычурном креслице восседал глава их поселения Грузило. Ещё поначалу, судя по слышанным ею разговорам переселенцев, это был физически здоровый муж и не дурак подраться на научных диспутах. Но здесь обильная еда и полное ничегонеделанье довели до того, что он, заплыв слоем жира, стал больше всего похож на откормленного перед забоем хряка. Даже молоденькие девушки, которых он менял каждую ночь, на пользу не шли.

Вокруг стола, накрывая к завтраку, тихо суетились эти самые девушки. Из широкого окна, как на карте, видны раскинувшиеся улочки с рядами домов, по которым спешили на работу взрослые. В приоткрытую дверь спальни выглядывал край широкого ложа со смятой простынёй. От неприятных воспоминаний свело челюсти, и она, низко опустив голову, спрятала ненавидящий взгляд.

Правда, тлела слабая надежда, что ей поможет старший помощник Главы. Несколько раз Седой выручал её из беды и она на уровне подсознания чувствовала, что Грузило его втайне опасается. Но вот уже вторую седмицу, как его не видно. Была за ним такая причуда – пропадать неведомо куда, а потом встретиться в самом неожиданном месте. Даже там, куда и оборуженным отрядам соваться не резон. Но в народе его уважали. В еде довольствовался малым, не тянул под себя молоденьких девок и на порку никого зря не отправлял. И помнили, как он иногда, не сдержавшись, за это срамными словами наставников крыл.

Седой сегодня не объявился, так что уж лучше помолчать. Язык ей от Рода достался не тот – что ни брякнет, всё невпопад. А «невпопад» – это значит, опять выпорют розгами. А если у Главного Наставника будет другое настроение, то вместо порки завалит на постель. Бр-р! Порка, всё-таки, лучше.

– Я жду твоего ответа, – заплывшие щёлочки-глаза уставились на неё.

Чтоб ты сдох! Когда только отвяжется? Как ему объяснить, недоумку, что бывают дни, когда женщине нельзя делать тяжёлую работу.

– Я была нездорова, Главный Наставник.

– Ты же знаешь, девушка, что болезнь должен засвидетельствовать кто-то из Наставников. Почему ты не пришла и не объявила о своей болезни?

– Ну, да, как в прошлый раз, когда Наставник Упала в постель меня потащил с месячными. Я потом неделю нараскоряку ходила после этого быка!

Грузило огорчённо опустил голову.

«Посмотрите на него! Ну, просто воплощение скорби!» – возмущённо подумала Светлана.

Однако у неё хватило ума промолчать. И так уже, наговорила лишнего.

– Ты будешь выпорота, – кротко молвил Грузило. – В назидание другим лентяям. Иди в сарай, я пришлю туда ката [18].

И, облизнув губы, махнул рукой застывшим в ожидании девушкам, чтобы подавали еду. Светлана облегчённо выскользнула в сенцы, спустилась по ступеням крылечка и побрела в направлении злосчастного сарая, где наказывали виновных. В последнее время их становилось всё больше. Пропади он пропадом со своей глиной! Как-то незаметно труд «на благо общества» превратился в тягостную повинность.

– Да на что нам такая жизнь! – возроптали многие. – Уже и детей с двенадцати лет на работы загоняют.

В поселении глухо нарастала волна недовольства, но открыто бунтовать пока не решались. Она подошла к сараю, устало прислоняясь спиной к дощатой стенке. И такая вдруг безыс-

ходная тоска накатила на неё, что даже слёзы на глаза навернулись. Она последний раз плакала, когда хоронила мать, надорвавшись на работе.

Светана попала сюда с родителями ещё в пелёнках, и все прелести этого мира впитала, как пересохшая губка. Всё окружающее казалось ей вполне естественным и понятным. Чтобы жить, нужно уметь убегать и убивать, и ничего более. Все рассказы отца и матери о жизни на покинутой ими родной планете, где в лес ходят просто для того, чтобы отдохнуть, казались сказкой, потому, что такого просто не могло быть.

Вот и отец зазевался, и его моментально сожрала «хризантема», чьи нежные на вид лепестки были ничем иным, как хищными щупальцами. Упоительный аромат расслаблял и кружил голову каждому, кто подходил поближе. Цветок манил прохладной белизной и хрупким изяществом, не проходило и минуты, как человек, сам того уже не сознавая, оказывался рядом. Вот, тогда, словно дрогнувшие от мимолётного прикосновения, лепестки нежно касались любителя красоты и... дерзнувший получив дозу фермента, уже не мог двигаться, а все внутренние органы, включая кости, разлагались в желе. Лепестки-щупальца, прильнув к своей жертве, жадно вытягивали содержимое, оставляя только сухую оболочку, Вот и отца её, когда нашли, принесли домой, свернув, для удобства транспортировки, в рулон.

Мать пережила его не надолго. При отсутствии мужа она обязана была делить постель с каждым из возжелавших её близости наставником. Это касалось каждой девушки или женщины их поселения, не одевших на голову плат замужества. Вдова отказалась и поплатилась за строптивость. Работая без отдыха за миску похлёбки, истаяла свечкой. А Светану, которой той весной пошёл четырнадцатый год, в ту же ночь «облагодетельствовал» своим вниманием сам Главный Наставник...

...Она вспомнила день, перевернувший сознание многих и заставивших переосмыслить свою жизнь. Каждое воскресенье их собирал на площади Главный Наставник, проповедуя о единении и давая наставления.

– Жить во блуде есть дело, неуютное богам! – воздев назидательно палец, вещал Грузило. – А я ваши души от этого освобождаю.

– Тогда почему наставники наших девок и баб без брака сильничают? – выкрикнул Светанин сверстник и некогда сотоварищ по детским играм Углич. – И на работы не ходят, а только командуют да жрут в два горла.

– Вон, как их разнесло, на дармовых-то харчах! – поддержал его из собравшейся толпы поселян задорный голос.

– Наставник, он свыше поставлен, вас, дураков, уму-разуму учить, – Главный укоризненно покачал головой. – Не дано тебе право судить их деяния.

– Ну, да! – дерзко глянул на Грузилу Углич. – Мы от зари до зари спину горбатим, а наставник, который палец о палец не ударил, самый сладкий кусок себе тянет. Нам жену за себя взять запрещают, а сами женщин, супротив их воли, в наложницах держат. Хороши порядки! Всё в вашу пользу, несправедно это!

– За сии мерзкие разговоры, отрок, – налился краской Главный. – ты отныне будешь изгнан из поселения. Я так решил!

Толпа ахнула. За ограждением человек был беззащитен от сотни подстерегавших его опасностей. Такое решение было равносильно смертной казни. Наступила напряжённая тишина, нарушаемая только плачем младенца,

– Напугал! – засмеялся парень. – Да плевал я на тебя, жирный боров! Вот, только и ты на этом свете не удержишься.

Углич, лучший охотник и следопыт, презрительно сплюнул Грузиле под ноги и, повернувшись, спокойно пошёл к воротам.

– Ты мне ещё угрожать удумал, щенок? – задохнулся от гнева Глава.

Но тронуть дерзкого никто не рискнул, уж больно горазд был драться. Да и в рукаве немало чего припрятано для отпора нежданного врага. С таким ухорезом запросто не упрaviшься, а здоровья лишит на раз! Когда Углич заскочил домой за своими котомками и оружием, к нему решительно присоединилась пара братьев-неразлучников, Ждан с Младом. Их матушка, скорбно прижав ко рту плат, смотрела вослед, а из глаз катились, оставляя влажный след на щеках, горькие слёзы..

И вот уже месяц Углича нет, что привнесло много неудобств для оставшихся. В первую очередь оскудело питание, мяса теперь поступало ничтожно мало. В опасной близости от поселения объявилась стая райгалов. И, хотя от прямых нападений на жителей хищники пока выдерживалась, пропало несколько коз из загона. Не досчитались и женщин, что пошли с детьми обихаживать свои огороды за стенами городища, да так там и сгинули.

– Не иначе, Углич свёл, – шептались многие. – Вон матушка его третьего дня узелок собрала, да и ушла себе потихоньку, а с ней и другие подались.

– Ага! То-то наставнички злые, – засмеялась одна из женщин. – Жрать нечего стало, а тут ещё девки пропали и, как назло, именно те, до которых они добраться не успели.

Слухи ползли из одного дома в другой, обрастая всевозможными подробностями и многие уже поглядывали на Главу с откровенным злорадством. Мало того, наставник Глузд, шедший к одной из требовавших «вразумления» подопечной, был оглушён и нещадно избит. И били-то, аккуратно, по причинному месту. После осмотра лекаря стало ясно, что более, чем на пописать, его причиндалы теперь не годятся.

– Выследить охальников, да на столбы их, к жукам-мясоедам – щерились сотоварищи изобиженного.

Но, после бесследного исчезновения пары «доброхотов», вызвавшихся помочь, желающих больше не нашлось. Наставники после этого случая малость попритихли, уже не рискуя выходить вечером на улицу. Поселение погрузилось в настороженное ожидание.

Светана хлопнула носом и вдруг сама на себя разозлилась. Так разозлилась, что впору самой себе по щекам нахлестать! Раскисла, как мокрая курица! Её мальчишки за косы дёргать боялись, «атаманшей» звали. Да пусть её лучше в лесу гхоры [19] сожрут, чем она этого упыря терпеть будет. Грудь распирало давно забытое чувство боевого восторга, которое она не раз испытывала раньше в драках с мальчишками. И, когда она убила на охоте первого райгала [20], её сердце колотилось так же радостно.

– Хватит. Пойду к Угличу, – неожиданно пришло в голову решение. – С ним, всяко, хуже не будет!

В конце улицы показалась кряжистая фигура ката. Ага, устала дожидаться! Светана тихо скользнула за угол и скрылась в густых кустах. Заскочив на минутку домой, девушка собрала самое необходимое, тихо пробралась по соседней улице и подошла к воротам. Стражники, как раз, выпускали народ на работу. Она спокойно встала в толпу и вместе с нею вышла за высокий частокол. Тридцать человек, которые, каждые десять часов, выходили на «копалище», сопровождалась десятком стражников. Слишком много зверья, охочего до свежего мяса, таилось за густой стеной деревьев. Райгалы давно усвоили, что на эти группы людей нападать бесполезно, стреломёты охраны били без промаха. Тяжёлые стрелы, годные даже на гхор, падальщиков прошибали насквозь.

Светана плелась в хвосте, зорко оглядываясь по сторонам. Она давно уже наметила – в каком именно месте оторвётся от группы.

Показался знакомый ствол «берёзы», с которого над протоптанной дорогой свисают спутанные плети лиан. Стражник повернул голову к дрогнувшему от метко брошенного камешка колючему кусту, и не увидел, как, в кошачьем прыжке взлетело вверх гибкое тело и затаилось среди листвы. С высоты она смотрела, как, чуть поотстав, по следам людей шло несколько

райгалов. Учужали, заразы! Возбуждённо втягивая воздух, они закружились вокруг «берёзы», значит, более крупных хищников поблизости нет.

Пока она находится на высоте, эти пожиратели трупов угрозы не представляли и, твари, словно уловив её мысль, подались за удалявшейся колонной людей. Раскачиваясь на лианах, она уверенно перебиралась с одного дерева на другое, держа направление к скальным выворотням. Там, ещё в детстве, на небольшом плато, заросшем яркой зеленью, они с мальчишками нашли ход, ведущий в целую анфиладу пещер. Одну из них занимало глубокое озеро. Сколько они ни пытались измерить его глубину, подвязывая к уходящему грузу верёвки, но дна так и не достали. Для питья она годилась, а близлежащий лес давал пропитание. Светлана твёрдо была уверена, что Углич со своими товарищами мог укрыться только там.

Нет более безопасного места, чем эти пещеры, тем более, имея на руках женщин. Хищники, при всём желании, добраться по отвесным камням туда не смогут, змеи избегали этих мест, предпочитая мягкий мох и влажный, душный воздух. Несведущий человек, даже забравшись на плато, не догадается, что скатывающаяся в каменную чашу вода скрывает за прозрачными струями вход.

Вот и знакомые выступы, что служили им ступеньками для подъёма, узкий, на ширину стопы, каменей «язык», по которому можно перебежать глубокую расселину с мчащимся по каменистому дну потоком. Ещё пара минут, и она выскочила на плато. Ага, на крошечном луже спокойно щиплют листву с кустов козы. Нашлась пропажа!

– Я же говорил, что Атаманша не задержится, – прогудел за валуном басок Ждана.

– А никто и не спорил, – рассмеялся, выходя из-за укрытия, Млад. – Здрава будь, Светлана! Совсем к нам или с вестями заглянула?

– А чего кота за хвост тянуть, братишки? Совсем пришла.

– Дорогу не забыла поди, сама добежишь? – подмигнул разговорчивый Млад. – Углич тоже недавно вернулся, говорит, чужаки у болотины объявились.

– Кто его знает, с чем они припожаловали, – басовитым шмелём рассудительно прогудел Ждан. – Вот и стоим теперь в карауле для порядка.

Нырнув под свод, Светлана привычно свернула за неприметный выступ и миновала упавшиеся в основание пещеры натёки-колонны. Падавший в мелкие трещины базальта солнечный свет, отражаясь от этих колонн, вспыхивал разноцветными зайчиками и разбегался по стенам. Улыбнувшись, Светлана скользнула в знакомую щель меж двух, словно слипшихся, колонн и вошла в первую пещеру.

– Доброго здравия, матушка Влада! – поприветствовала она поклоном сидящую у очага мать Углича. – И вы, девушки, здравствуйте!

– И тебе не хворать!

– Матерь Жива вам в помощь! – охотно откликнулась ей.

Все пропавшие из поселения женщины, живые и здоровые, были здесь. Одни занимались разделкой свежей туши, нарезаая ленточками мясо и развешивая их вялить, другие мяли шкуры. Двое подростков лет девяти плели из расщеплённых лиан циновки и корзины под присмотром седого мужа. Это семейство пропало пару седмиц назад. Его, ушедшего с женой и сыновьями на заготовку сырья для этих самых циновок, посчитали съеденными гхорой. Жена, чуть в сторонке, спокойно ткала полотно на новеньких, по-домашнему уютно постукивавших кроснах.

Сырьём служила росшая на планете жгучая орешница. Её очищенная и вымоченная волокнистая мякоть, после чёса гребнями давала основу для тонких нитей, а вываренная кора прекрасно окрашивала готовую ткань в алый цвет.

– Сказывай девонька, чего нового? – помешивая в большом котле духовито булькавшее варево, спросила Влада.

– Да из нового и есть, что одному наставнику причинное место напрочь отшибли, – рассмеялась Светана, и девчонки прыснули следом за ней. – Теперь остальные опасаются, что и им того не миновать.

– Добрая весть. Не чтут они заветов матери Живы! – одобрительно кивнула женщина. – Видать, потому и не позволила от этих охальников дитя зачать, нет их семени благодати. Так и сгинут.

Светана задумалась над её словами. А ведь правда! Ни один из наставников не мог похвалиться хоть одним ребёнком, продолжением своего рода.

– Не ломай голову, Атаманша, – подмигнул ей вышедший из соседней пещеры Углич. – Нам сейчас остальных людей из этого непотребства потихоньку вызволять надо. Вот и маракуюем промеж собой, как сподручнее это проверить.

– А чего долго думать? – она «взяла мяч с лету». – Тридцать человек с «копалища» мы за один раз увести сможем, а, если замешкаются, то и вторую тридцатку, что на смену придут, тоже прихватим.

– Стоп! Как ты это считаешь сделать? А два десятка стражников куда девать прикажешь?

– Нашёл доuku, – фыркнула девушка. – У старших стражей свои дети подрастают. Думаешь, им хочется дочерей под наставников подкладывать? Тем, что помоложе, тоже пора семьями обзаводиться, а те же наставники им этого не позволяют, всё под себя баб да девок подгребают.

– Ладно. Холостяки, те без разговоров уйдут с нами, а мужи как? Запорют их семьи, в отместку за отцов да мужей, – покачал головой приятель.

– А дядьке Угрюму подсказать, – чуток подумав, заявила Светана. – Он же назначает охрану на «копалище». Вот и пусть в охранение одних холостяков отправит. А надёжных стражей предупредит, чтобы вещички собирали. В ночь ворота откроют и Сварог им в помощь! А мы их недалеко встретим, да к месту проводим.

Слушавшая их разговор Влада одобрительно кивнула Светанке, но Углич надолго задумался. Серьёзный парень прикидывал все «за» и «против».

– Почему ты так в дядьке Угрюме уверена?

– Так у него после гибели Желаны только одна отрада в жизни и осталась, что дочка. Лада вся в мать пошла, красавицей будет. Намедни её Главный приметил, а Угрюму этот интерес мимо глаз не пропустил. Сама видела – зыркнул, ровно бирюк [21]. Вот и выходит, что он и есть первейший, кто заинтересован наставников с носом оставить.

– Вовремя тебя Сварог сюда направил. Наворотим дел, лопатой не разгребут, – засмеялся Углич.

Три дня шла подготовка к задуманному. Светана, закутавшись в плат, примкнула к возвращавшимся с «копалища» уставшим людям и спокойно проскользнула в городище. Без колебаний стукнулась в двери дома дядьки Угрюма. Узнав гостью, Лада испуганно всплеснув руками плюхнулась на лавку.

– Ой, а тебя тут обыскались!

Зыркнув на неё и, моментально всё сообразив, дядька задёрнул шторы на оконцах и притушил лампу. Выйдя за двери и послонявшись по двору, он плотно задвинул в пазы засов. Пройдя к столу, Угрюму тяжело присел на табурет и испытующе глянул в лицо неожиданной гостьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.